

The background of the entire image is a misty forest at sunset. Tall, thin trees are silhouetted against a warm, orange and yellow sky. In the center of the image, a large, pale, featureless face is superimposed, its features blending into the background. The face has a wide, slightly open mouth and deep-set eyes. The overall mood is eerie and mysterious.

ПЕРЕДЕЛКЕ НЕ ПОДДАЕТСЯ

Н.Б.МЕДВЕДСКАЯ

Наталья Медведская

Переделке не поддаётся

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Медведская Н. Б.

Переделке не поддаётся / Н. Б. Медведская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2764-7

Страшные сказки обычно начинаются со слов: в одном тёмном лесу пропадали дети, и никто не знал, что за чудище их крадёт. Но раз это любовный роман с элементами детектива, то начнётся он по-другому. Одну милую девушку бросил коварный жених. Чтобы помочь справиться с депрессией, лучшая подруга увозит её подальше от жениха-предателя в другой город. Там они вдоволь хлебнут страха, участвуя в опасных приключениях. Зато раскроют тёмные тайны города и познакомятся с мужчинами, о которых могли только мечтать. Одна из подруг впервые в жизни испытает истинную страсть, другая – забудет все прежние чувства и полюбит по-настоящему.

ISBN 978-5-5321-2764-7

© Медведская Н. Б., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1 Свадьбы не будет

Случилось невероятное: большая любительница сладкого Ладислава Стахий оставила коробку конфет не распакованной. Впервые она не поддалась соблазну снежных шариков рафаэлки. Тина расстроилась: на этот раз у подружки настоящая депрессия.

«Чёрт бы побрал этого Филиппа! Задурил голову и в кусты. Слишком красиво говорил, слишком много обещал. Бедная Лада считала себя невестой Захарова. А тут такой облом. Мало того, что работу потеряла, так ещё и без жениха осталась».

Тина бросила взгляд на подругу, лежащую на кровати лицом к стене. Не удержавшись, поправила накидку на кресле, аккуратно сложила бельё, небрежно брошенное на гладильной доске, выровняла стопку книг на письменном столе. Тина знала за собой привычку наводить безукоризненный порядок, когда находилась в тревожном взвинченном состоянии. Не осознавая, создавала комфортную для себя среду, и таким образом постепенно успокаивалась. Она поняла: если не получается быстро исправить проблему, то нужно хотя бы привнести гармонию в окружающую обстановку. Обычно эта привычка сильно раздражала Ладу, но сейчас та даже не повернулась к Тине.

Тётя Вера, вообще-то мать Лады именовалась Вероникой, но Тина с детства называла её по-другому, доложила: Ладислава третий день ничего не ест и почти не встаёт с постели. Первый день ревела белугой, второй рвала фото и выбрасывала подарки Филиппа в мусор. Хорошо, что тётя Вера заметила и вытащила серёжки и колечко из пакета, только инсталляции из проволоки отправила на помойку. Тина усмехнулась: проволочные инсталляции модного художника большего и не заслуживали. Сама бы их выкинула с удовольствием. Походив из угла в угол небольшой комнаты, она покосилась на свернувшуюся в калачик худенькую фигуру Лады. Ясно: утешать пока бесполезно, несчастная подружка ничего слушать не станет, но как-то встряхнуть надо. Тина присела на кровать, расправила смявшуюся наволочку на подушке.

– Фу! Ну и несёт от тебя, будто по помойкам шлялась?

Ладислава повернула заплаканное лицо, на котором читалось изумление. Прежде ясный взор карих глаз помутнел, аккуратный маленький нос распух и превратился в бесформенный красный комок, губы напоминали разваренные блёклые вареники.

– В каком смысле несёт? Воняю что ли?

– Ещё как? На лицо спала, возле глаз морщинки появились. Волосы как пакля. Если Филипп увидит тебя такой, решит: правильно поступил, эдакое чучело не только ему, никому не нужно.

Тина спокойно наблюдала, как от злости у подружки раздулись ноздри, в глазах вспыхнула ярость вкупе с обидой.

– Спасибо, дорогая! Особенно за чучело!

– Всегда рада сказать правду. Брось, подруга, беды мучат, да уму учат, – не удержалась Тина, вставив подходящее изречение.

Ещё в шестом классе, увлечшись пословицами и поговорками, она настолько заразилась ими, что вставляла их при каждом удобном случае. По мере взросления количество пословиц увеличилось настолько, что её речь буквально пестрела ими. Знакомые привыкли к особенности разговора Тины, а незнакомые очень удивлялись.

– И за поддержку тоже спасибо.

– Не за что. Ты должна радоваться, что отделалась от Филиппа малой кровью.

Лада вскочила с кровати, оттолкнув Тину.

– Это он от меня отделался! – Она легко спародировала бывшего жениха. – «Прости, милая, но иногда дела семьи важнее, отец поставил ультиматум. Я не могу на тебе жениться, но буду помнить всю жизнь».

– Филипп размазня и предатель. Велика фигура, да дура. Хорошо, что ты узнала это сейчас, а не когда стало бы поздно. Повалилась в кровати и хватит, нечего жалеть себя. Самый лучший мужчина ещё не встретился, а значит, нечего киснуть. – Тина хлопнула себя по лбу. – А ведь у меня появилась отличная идея. Собственно поэтому я и пришла.

Лада покосилась в настенное зеркало, выискивая следы преждевременных морщин. Ну да, лицо осунулась, короткие волосы всклокочены, глаза – узенькие щёлки. Выглядит не ахти. Но с морщинами Тина явно переборщила.

– Мне не до твоих идей. У меня веру в людей и надежду на счастье отняли.

Тина усмехнулась, заправила за ухо пушистый кучерявый локон.

– Ах, как пафосно. Ну, поверила ты прощелыге – всего лишь досадная ошибка. Обёрточка-то яркая, блестящая, прямо, как у другого всем известного Филиппа. Но если ты хочешь, чтобы эта сволочь увидела, как ты страдаешь, давай – вперёд! Радуй и повышай его и так раздутое самомнение.

Лада шмыгнула носом, подтянула узкие лямки ночной рубашки, спадающие с плеч.

– А ты ведь не можешь меня понять.

Яркие голубовато-синие глаза Тины под ровными окружками чёрных бровей расширились.

– Отчего же?

– Ты хоть раз испытывала сильные чувства? Я не о любви, просто о влюблённости. Помоему – нет. Как ты можешь судить, не зная о чём.

Тина посмотрела в несчастное лицо подруги, в душе шевельнулась жалость. Усилием воли пресекла её зарождение: незачем провоцировать Ладку на новые потоки слёз.

– Думаю: влюблённость по накалу сравнима с ненавистью. Так что я тебя вполне понимаю.

Лада поёжилась. Три года назад Тина потеряла отца. За рулём дорогой машины сидел семнадцатилетний сынок местного предпринимателя. Парень рисовался перед компанией таких же сопляков, как сам, гнал по загруженной трассе на большой скорости и не справился с управлением. Дядю Мишу он снёс на пешеходном переходе. У отца Тины не было ни единого шанса выжить. На суде изумлённые Лавровы узнали: оказывается, потерпевший в пьяном виде сам выскочил на дорогу. Свидетели изменили показания, протокол с места происшествия исчез. А потом гонщика и вовсе оправдали. Тина никогда не забудет силу ненависти, вспыхнувшую в ней после слов несовершеннолетнего убийцы.

– Вы никогда ничего не докажете. И даже не пытайтесь.

От ярости у Тины горло сжали спазмы, она не смогла вымолвить ни слова. Мать обняла её и тихо сказала:

– Есть ещё высший суд, – Потом перевела взгляд на убийцу и добавила: – У него будет короткая жизнь, ничего не успеет исправить.

Спустя всего месяц предприниматель похоронил сына в закрытом гробу. Автомобиль, унёсший жизнь отца Тины, забрал её и у хозяина.

Лада сейчас вспомнила тот случай. Да уж ненависть чуть не сожгла тогда подругу. Она подумала: могла ли тётя Маня предвидеть судьбу водителя? Скорее всего, да.

Тина спокойно наблюдала за выражением на лице Лады. Наверно, от того, что они общаются с пелёнок, могла с точностью сказать, о чём та думает.

– Я спрашивала маму. Она ответила: «Иногда вижу: человек не жилец, но объяснить это не могу». – Тина не стала говорить, что и сама знала о близкой смерти убийцы. – Иногда мне кажется: его убила моя ненависть. Думаешь, жалею. Ничуть. – Тина махнула рукой, словно отрезала что-то. – Хватит об этом. Тебе нужна основательная встряска. С глаз долой – из сердца вон. Короче, сегодня мы идём в ресторан. – Заметив изумление на лице Лады, отрезала: – Не в тот, где будет помолвка Филиппа, в другой. Будем веселиться, отжигать. А

послезавтра поедem в Белозёрск на всё лето. Благодаря тебе, мы теперь свободные от работы гражданки и можем наслаждаться свободой. Как тебе идея?

Лада хмуро посмотрела на нарочито оживлённое лицо Тины.

После института подругам удалось устроиться на комбинат строительных материалов, сначала на испытательный срок, потом на постоянную работу. Тину взяли на должность младшего бухгалтера, а бойкую на язык Ладу секретаршей к замдиректору. Собственно Филипп, будучи этим самым замом, и выбрал её в секретарши после продолжительного собеседования. Обе девушки считали большой удачей получить работу без опыта за плечами. Комбинат расширялся, открывались новые вакансии. Через год Тина получила должность бухгалтера по зарплате, за Ладой же начал охоту Филипп. Осада непокорной секретарши шла по всем фронтам, начиная с мелких подарков, приглашений в театр и ресторан, заканчивая крупными презентами. Подруги не раз обсуждали сложившуюся щекотливую ситуацию. Как в плохом кино начальник уламывал секретаршу к служебному роману, а та будто бы набивала себе цену. Только вот случай Лады оказался несколько другим, Филипп не нравился ей, как мужчина. Она никогда не обращала внимания на картинно красивых представителей сильного пола, имеющих несколько слащавую внешность. К тому же не представляла, чем могла привлечь его, избалованного женщинами с подросткового возраста. Лада трезво оценивала свою внешность – обычная симпатичная девушка, каких много на улицах города. Также понимала: именно её неуступчивость подогревала интерес начальника. Осада длилась полгода, и незаметно для себя Лада влюбилась. Филипп ухаживал очень красиво, строил планы совместного будущего, пел дифирамбы её незаменимости и уму, чем особенно расположил к себе. Втайне она гордилась своей памятью, быстро и надолго запоминала всё, что прочитала, услышала или увидела. Легко повторяла данные людей, звонивших начальнику, кратко и точно передавала суть разговора, печатала приказы и докладные, что называется с языка, не путала документы и ничего не забывала. В общем, обладала редкой памятью. Лада не слушала увещаний лучшей подруги Тины.

– Раскрой глаза. Филипп на самом деле сноб. Это с тобой он добрый и порядочный, а я не раз наблюдала, как уничижительно он обращается с подчинёнными. Для тебя он щедрый, а на работе за копейку готов удавиться. Цены поднялись, а он не разрешил поднять зарплату даже на пять процентов. Знаешь, что ответил мне: «Если кого не устраивает оплата, пусть увольняются». Будто не в курсе, что в городе мало рабочих мест. Да он красив, даже слишком, умён, умеет показать себя с лучшей стороны, предан семье, но он не твой человек.

– Ты думаешь, я его недостойна, – обижалась Лада.

Тина с присущей ей прямолинейностью отвечала:

– Он не твоего поля ягода. Филипп ловко использует людей, да так, что они ещё и радуются этому. Как же, начальник обратил внимание на простых смертных. Ты не хуже его, подружка, лучше. Просто он не тот, кто тебе нужен.

В глубине души Лада полностью соглашалась с ней, но оставалась малюсенькая надежда: а вдруг этот красавец сделает её счастливой. Случаются же в жизни чудеса. Чем она не Золушка?

– А что если он изменится? Люди ведь способны меняться.

– Хотелось бы верить.

Тина перестала тревожиться за подругу лишь, когда Филипп сделал Ладе предложение. Решила, что здорово ошиблась на его счёт. А через неделю обеих подруг вызвал к себе руководитель комбината, отец Филиппа, и положил на стол два заявления на увольнение.

– Будет лучше, если вы обе подпишете добровольно. Я весьма разочарован: одна не оправдала доверие и завела роман с начальником, другая способствовала его развитию. Филипп скоро женится, но не на вас, милочка. – Он снисходительно и с долей презрения глянул на Ладиславу. – Сами понимаете, нахождение вас на комбинате больше нежелательно.

Ладу ошеломило сообщение. Вчера Филипп был особенно нежен и ласков с ней, о скорой свадьбе с другой даже не заикнулся. Она ощутила, как прилившая к голове кровь туманит сознание и будит в ней гнев и ярость. Что же получается: все слова Филиппа ложь и насмешка над ней? Лада звенящим голосом поинтересовалась:

– Филипп в курсе?

– Конечно. Жаль, что у него не хватило духу сообщить самому. Подписывайте и получите щедрое выходное пособие и зарплату за месяц. Думаю, мадам бухгалтер сама и подсчитает. – Он подтолкнул листы бумаги к девушкам.

Тина прочитала приказ об увольнении.

– В связи с сокращением штатов?

– Вот именно. С сокращением, – ухмыльнулся отец Филиппа. Ситуация его явно забавляла.

– Я могу поговорить со своим начальником? – поинтересовалась Лада спокойным тоном, давшимися ей с невероятной трудностью.

– Можете. Лучше сразу расставить все точки над и, – директор комбината нажал кнопку селекторной связи. – Филипп, зайди на минутку ко мне.

Сердце Лады бешено колотилось. Тина усердно изучала приказ, словно расшифровывала криптограмму. Филипп стремительно вошёл в кабинет, замер, увидев подруг.

– Вот сынок, прежде чем подписать приказ об увольнении, дама пожелала услышать твоё объяснение.

Лада заметила на красивом лице Филиппа испуг и раздражение одновременно. Он выглядел так, будто его поймали с поличным за неприглядным делом. Она с горечью осознала: Филипп уже всё решил и сейчас лишь панически боится скандала. Бегающий взгляд, суетливые движения выдавали его с головой. Не поднимая глаз, он пробормотал:

– Извините, Ладислава Олеговна. Я как-то говорил: интересы семьи для меня превыше всего. Поэтому должен жениться на другой.

Директор покосился на секретаршу сына. Девушка сидела как струнка, выпрямив спину, на лице застыло напряжённое выражение.

– Что-то ещё? Надеюсь, вы удовлетворены?

Лада подписала заявление об увольнении, бросила взгляд на бывшего жениха, уловила на его смущённо-хмуром лице облегчение и капельку радости. Это разозлило её и придало сил.

– Надеюсь, вы сдержите обещание и выплатите компенсацию полностью, слову членов вашей семьи у меня больше нет доверия.

Тина выдохнула с облегчением, молодец, подруга сдержала эмоции. Она никогда не знала, как та поступит. Вспыльчивая Лада могла наговорить глупостей, совершить неразумный поступок, потом извинялась, раскаивалась, или наоборот упорствовала на своём. Уже в который раз она удивляла Тину, в серьёзных случаях менялась совершенно, откуда только бралась выдержка и хладнокровие у столь порывистого человека, как Ладислава.

– Не сомневайтесь, денежки получите сполна, – ухмыльнулся директор. – Не смею вас более задерживать.

На следующий день обе подруги стали безработными, но со значительной суммой на руках. При некоторой экономии они могли продержаться месяца три-четыре. Под сочувствующими, любопытствующими, а также откровенно злорадными взглядами бывших коллег они покинули административный корпус комбината.

– Ау, Лада. О чём задумалась? Хватит! Ты ведь не любовь оплакиваешь, ты не можешь простить себе, что обманулась и поверила. С кем не бывает? Встряхнись, подруга. Марш в ванную. Выпей чайку, забудь тоску.

– Ещё одна поговорка, и я тебя убью, – пригрозила Лада. – Ты обещала себя контролировать.

Тина вздохнула:

– Трудно удержаться. Они из меня как мусор сыплются. Это от нервозности. Ладка, поторапливайся, я столик заказала в интересном заведении, будем назло Филиппу веселиться. Пусть не думает, что ты паранджу надела и голову пеплом посыпаешь. Нечего эту сволочь печальным видом радовать.

Лада вытерла мокрое лицо краешком наволочки.

– А ты права, порыдала и хватит. Отпразднуем начало безработной свободной жизни. – Она поднялась и решительным шагом отправилась в душ.

***

Тина специально выбрала ресторан на окраине города, не хотелось рисковать и столкнуться со знакомыми или сослуживцами. Она не стала останавливать подругу и позволила той выпить целую бутылку шампанского. Пусть уж лучше голова на утро болит, чем продолжит казнить себя за Филиппа.

– Понимаешь, у меня ломка, настоящая ломка из-за него. Зла на себя не хватает. Привыкла ежедневно слышать: какая я особенная, умница и симпатяга. Привыкла к вниманию и подаркам, к развлечениям и насыщенным вечерам. А потом вдруг остаться одной и узнать, что не такая уж умница, что не подходишь ему, и тебя выбрасывают как ненужную вещь. – Лада, икнув, вытерла губы салфеткой. – Да пошёл он на фиг! – Протянула бокал Тине. – Минералки. И пошли танцевать.

– Вот. Другое дело. – Тина наполнила бокал водой. – Зажги, подруга. А я погляжу, ладно?

Тина не любила быстрые танцы, считала, что, обладая ростом выше среднего и пышными женственными формами, не может красиво двигаться под ритмичную музыку – предпочитала медленные вальсы и танго. Она даже не подозревала: насколько соблазнительным для мужчин выглядит её зрелое совершенное тело. Рядом с невысокой тоненькой Ладой она чувствовала себя громоздкой и большой, поэтому относилась к ней несколько покровительственно, почти по-матерински. Подруги различались не только внешне, но и по характеру. Тина обладала спокойным, уравновешенным характером, предпочитала хорошенько обдумать, прежде чем что-то предпринять, а эмоциональная Лада руководствовалась сердцем и лишь потом умом. При первом знакомстве большинство сразу признавали за Тиной житейскую мудрость и сильно удивлялись, обнаружив, что смешливая Лада не менее умна. Подруги идеально дополняли друг друга.

Тина рассеянно наблюдала за подругой, та как всегда самозабвенно двигалась под музыку. Лада любила и умела танцевать. Когда они учились в пятом классе, Лада уговорила её поступить в студию танцев при городском доме культуры, Тина посетила пару занятий, быстро поняла, что это не для неё, и ушла оттуда. Лада же осталась и посещала студию до окончания школы. Это стало единственным времяпровождением, не считая дома, когда подруги не находились вместе.

– Всё, я выдохлась, – Лада плюхнулась на стул. Юбка колокол парашютом опустилась на сиденье. С левого плеча соскочила лямка шелкового топа, обнажив слегка островатое плечо.

– Давай по мороженому и домой, – предложила Тина. – А то придётся отбиваться от твоих кавалеров.

На заразные танцы подружки, словно бабочки на свет, всегда слетались любители двигаться под музыку. Лада засмеялась. Со стороны казалось: она довольна жизнью и веселится от души.

– А давай.

Заиграла медленная музыка. Подруг пригласили на танец. Тина первой увидела Филиппа с друзьями, его компания шумно ввалилась в ресторан.

«Черт, чёрт! Только его здесь не хватало. Никуда от него не скроешься».

Филипп помог красивой элегантно одетой девушке сесть на высокий стул. Все разместились у стойки бара.

Тина с облегчением выдохнула: «Вряд ли станут задерживаться, наверно, после своего ресторана отправились в поход по другим увеселительным заведениям города. Только бы Ладка не выкинула глупость, завидев соперницу».

Лада краем глаза заметила знакомую фигуру.

«Бывший женишок с новой невестой... – от неожиданности сбилась с ритма, в горле пересохло от волнения. – А девица хороша, – признала она с горечью.

Партнёр, уловив заминку, заглянул в окаменевшее лицо девушки.

– Вам плохо?

– Наоборот, – нежным голосом пропела Лада, неимоверными усилиями сдерживая рвущуюся наружу обиду и злость. – От вас у меня закружилась голова.

– Серьёзно? Тогда можно пригласить вас с подружкой за наш столик?

– Мы уже собирались уходить. – Сердце Лады выбивало бешеный ритм, который совершенно не сочетался со спокойным тоном голоса.

– Тогда разрешите проводить вас. Меня зовут Антон.

– А меня Лада. Что ж, проводите.

Усевшись за столик, она отхлебнула из бокала шампанское – не почувствовала вкуса.

– Я расплатилась за ужин, – с нотой напряжения в голосе произнесла Тина, переживая за подружку.

– Вот и хорошо. Я дала согласие новому знакомому на проводы.

К столику приблизились партнёры по танцам.

– Разрешите, – Антон подал Ладе руку.

Она краем глаза наблюдала за Филиппом. Тот наконец заметил бывшую возлюбленную. Лада с болью увидела панику на его лице, он готов был испариться, исчезнуть, лишь бы с ней не встречаться. И этот страх до такой степени преобразил его облик, сделав жалким и ничтожным, что она вдруг ясно увидела истинное лицо Филиппа. Оно ей не понравилось настолько, что Лада ощутила глубочайшее разочарование не только в нём, но и в себе, и в своих чувствах.

Глава 2 Здравствуй, Белозёрск

Лада, положив голову на кисти рук, угрюмо смотрела на проплывающий за окном пейзаж. Рассеянный взгляд Тины скользнул по яркой вывеске магазина, тут же исчезнувшего вдаль.

– Китайцы уже и самовары выпускают, – буркнула Лада, не поднимая головы. – Никогда не знала, что для самоваров нужны запчасти.

Тина удивилась.

– Ты о чём?

– Только что видела магазин «Запчасти для китайских самоваров».

Тина засмеялась.

– Тебя надо срочно лечить от хандры. Знаменитая зрительная память крошки Стахий сейчас подкачала.

Лада хмыкнула недоверчиво.

– Не может быть. Я своими глазами видела вывеску на магазине.

– Как же. Смотрю в книгу, вижу фигу. Ту вывеску и я заприметила. На ней было написано «Запчасти для китайских самосвалов».

Лада оторопела, потом захохотала. Тина вторила заразительному смеху подруги.

– Надо же, запчасти для самоваров.

– Вам не требуется трубу, краник поменять? Или бока самовару начистить? – хихикнула Лада. – А знаешь, мне захотелось чаю из самовара. Никогда не пила.

Тина заколола растрепавшиеся волосы, непослушные короткие завитки тут же выбились из причёски, добавив миловидному лицу очарования.

– Попьёшь. У тётки имелся старый медный самовар, если, конечно, он ещё цел. Когда мне было девять лет, мы с мамой приезжали к ней в гости. Тётя Саломея ставила самовар в беседке, они подолгу беседовали, а я, набив карманы конфетами, отправлялась гулять на улицу.

Лада фыркнула и снова залилась смехом.

– Тётя Сало-мея...

– Эй! Нормальное еврейское имя. Бабушка Калерия дала его дочери по святкам.

Лада взвизгнула и захохотала в голос.

– Бабушка Кавалерия, назвала кровиночку Сало-имея.

– Тю, дурносмех. Твоё имя тоже можно исковеркать.

– Тётка еврейка?

Тина усмехнулась.

– Грамотейка нашлась. Как может тётка быть еврейкой, если оба родителя русские.

Лада хлебнула воды из бутылки, попыталась успокоиться. Немного истеричный смех клокотал в горле.

– Всё. Всё. А то помру, как Хулиан дель Кас-с-с-аль¹.

– Это как же? – поинтересовалась Тина, бросила взгляд на дисплей телефона. – Через полчаса приедем. Пора собираться.

– Он помер от смеха. Ой, ну и имечко у поэта, – хрюкнула Лада.

– Хватит! – прикрикнула на подругу Тина, видя, что смех подруги стал слегка истеричным. – Иди умойся.

Они вышли из поезда на крохотной станции. Лада успокоилась и теперь угрюмо поглядывала по сторонам. Небольшое здание из красного кирпича явно знавало лучшие времена, на крыше сохранились башенки, но их оконца зияли тёмными провалами, флюгер, изображающий паровоз, согнулся и поскрипывал под порывами ветра. Современные пластиковые окна изуродовали старинный фасад, придав ему вид молодящейся кокетки.

– И какого чёрта мы притащились в этот Белозёрск?

Тина, не отвечая, направилась к единственному окошку кассы.

– Добрый день, – обратилась она к кассиру. – Подскажите, как добраться до города?

Заспанная женщина зевнула, махнула рукой куда-то влево.

– За вокзалом на пяточке стоят маршрутки и такси.

Тина подняла сумку, тронула подругу за плечо.

– Лад, ты же всегда любила новые места. А этот город маленький, но древний, ему больше пятисот лет.

– А если бы ты не согласилась присмотреть за домом, пока тётя Сало-мея? – тут она не удержалась, хрюкнула, – ухаживает за Калерией?

---

¹ Кубинский поэт Хулиан дель Касаль умер от смеха. Услышав смешной анекдот, он так смеялся, что отслоилась аорта. Скончался от внутреннего кровотечения.

– Пришлось бы маме брать длительный отпуск. Получается, нас как нельзя вовремя уволили.

Лада повесила маленькую сумку на плечо, оторвала от асфальта большую.

– А просто закрыть дом не вариант?

Тина замялась. Лада шлёпнула сумку на тротуар.

– Та-а-ак. Признавайся, в чём подвох?

– Тётке шестьдесят и ей всё время кажется, что дом без присмотра или ограбят, или подожгут, к тому же надо за хозяйством присмотреть. За молоком от козы покупатели приходят, – Тина двинулась вперёд.

Лада потащила следом.

– Вот оно! Бесплатную рабсилу нашла. Слушай, – вдруг осенило её. – Кто присмотрит за домом в сентябре, когда мы уедем?

– Тётя вернётся. Похоронит бабушку и вернётся.

Лада оторопела.

– Чего? Как это похоронит? Откуда ей знать, что мать умрёт в определённое время?

Тина поставила сумки и вытерла вспотевший лоб носовым платком.

– Бабушка знает, потому и попросила старшую дочь приехать и побыть с ней последние дни.

– Бред. Твоя бабка экстрасенс?

– Нет. Она травница.

В глазах Лады загорелся интерес.

– А почему ты раньше мне ничего не говорила? А твоя мама тоже? А ты?

– У мамы изредка проявляется слабый дар. Она видит знаки смерти. Так его и другие внимательные люди видят. – Вопрос о себе Тина благоразумно проигнорировала.

– А тётя?

– Тётя если получится, примет дар от умирающей матери.

Лада поёжилась.

– Жуть. А что за дар такой?

– Бабушка лечила травами, иногда пропавшее добро отыскивала, на воров указывала.

– Как интересно. А ты вредина молчала.

Тина подняла сумку. Завернув за угол здания, они увидели с десяток такси и несколько маршруток. На вопрос Лады водитель ближайшего такси ответил:

– Улица Вишнёвая – самая дальняя часть города. За пятьсот тугриков довезу. Учтите, маршрутка туда не ходит, будете с сумками по грунтовке тащиться.

В десяти километрах от железнодорожной станции однообразная картина за окном машины, ровные поля, засеянные пшеницей, подсолнечником или кукурузой, сменилась на более интересную. Сначала появились небольшие рощицы, перемежающиеся всё теми же полями, но ближе к городу лес стал гуще и вскоре за окном стали мелькать разлапистые сосны, пышные лиственницы, высокие дубы и тонконогие осинки. Лада оживилась.

– Ух, ты! Вот это красота.

Водителю явно импонировал восторг пассажирки.

– Вы ещё наши озёра не видели. Вода в них чистая-чистая. Ведь недаром город Белозёрском называется, белая светлая водичка и в озёрах, и в речке, и в родниках. А вообще город окружён лесом. На окраинах люди грибы буквально за собственной калиткой собирают.

– Замечательно. Жаль я в грибах полный ноль, но есть их очень люблю.

Водитель засмеялся.

– Тогда за грибами будешь охотиться на рынке.

К удивлению Лады частные дома в Белозёрске оказались вовсе не деревянными, даже совсем старые с маленькими окошками возводились из самана или камня.

– Интересно, почему в средней полосе России, в Подмоскowie много бревенчатых домов, а у нас в Краснодарском крае их нет? Хотя лес и там, и у нас.

– А я как-то не задумывался об этом, – удивился водитель. – И, правда, почему? Может, у них с камнем проблемы? Или глины не хватает. А у нас карьер с хорошим известняком, да и глина в достатке.

Дороги в Белозёрске ничем не отличались от дорог в их родном Дмитрове. На окраинах выбоины и ямы. Лишь ближе к центру появился новый асфальт, да и сама дорога стала шире. Лада попросила водителя провести их через весь город, ей хотелось хоть немного осмотреть его, чтобы знать, где предстоит провести лето.

– Если не считать центра, то ваш Белозёрск большая деревня, – сделала она заключение.

Водитель не обиделся.

– Зато воздух у нас чистый, город зелёный и уютный. И не такой уж маленький – сорок тысяч жителей.

– Не пустяк, – хмыкнула Лада.

Тина с удовольствием узнавала знакомые улочки и перекрёстки, город совсем не изменился с момента её последнего пребывания здесь. Время словно застыло в Белозёрске.

Через двадцать пять минут водитель высадил пассажиров у небольшого дома, стоящего в конце прямой как стрела улице. По соседству с домом тётки Саломеи располагались ещё две полуразрушенные постройки больше напоминающие сараи. За этими халупами начинался негустой лиственный лес. Ухоженность подворья Саломеи только подчеркивала заброшенность домов. Тина открыла калитку, тотчас в глубине двора зазвенели колокольчики. По тропинке из деревянных плашек девушки приблизились к дому, поднялись на крыльцо. Тина вытащила засунутый в щель между досками листок бумаги.

Тиночка, извини, что не дождалась. Подвернулась оказия, доеду со знакомым прямо до места. Кур кормить, козу доить. Гусей я определила в загородку. Ягоду собирать по мере созревания. Чёрную смородину часть заморозить, часть перетереть с сахаром, из красной смородины сварить компот, а из крыжовника варенье. Думаю, ты справишься. Ключ от входной двери там, где ты прятала конфеты. Поздно вечером в лес не ходи, избегай Варюшкиного луга. Увидимся.

Тётя Саломея

– Ничего себе куча указаний. И где же ты прятала конфеты? – ехидным тоном поинтересовалась Лада. – Что за Варюшкин луг?

Тина обошла крыльцо, вытащила небольшой камень из стены.

– А вот где. Варюшкин луг недалеко, буквально за домами. Когда-то там пропала девочка Варя. Это произошло в году эдак пятидесятом. Бабушка мне рассказывала. – Тина открыла дверь. – Прошу.

Из крохотной веранды они попали в большую комнату с русской печкой, украшенной цветными изразцами. Остальная утварь и мебель на кухне оказались вполне современными.

– Ох, ничего себе – печка. Здесь нет газа? – удивилась Лада.

– Белозёрск полностью не газифицирован – отопление у тётки только печное. Правда, она и не собиралась проводить газ. Во дворе под навесом ещё одна печь стоит, летний вариант, для готовки и сушки трав.

Тина разулась и протопала в другую комнату.

– В доме две спальни, выбирай любую.

Лада осмотрела почти идентичные комнаты, выходящие окнами на огород.

– Я поселюсь в этой, тут расцветочка обоев повеселей, – хмыкнула она, показывая на строгие бело-синие полосы. – У Саломеи есть дети?

– Она бездетна. В одной комнате жила тётка с мужем, в другой бабушка Калерия. – Тина принялась раскладывать одежду на свободные полки шкафа.

Лада отворила дверцу шкафа в выбранной комнате и воскликнула:

– А мой пустой.

– Эта бывшая комната бабушки.

Лада опорожнила сумку, расставила косметику на комоде.

– Из-за низких потолков немного неуютно. Словно по башке стукнули.

– Ничего на свежем воздухе больше будем находиться, – отозвалась Тина.

– Слушай, а почему твоя бабушка уехала отсюда? Почему её не привезти обратно?

– Бабушка не ладила с мужем Саломеи и уехала к сыну. А почему не захотела вернуться когда он умер, понятия не имею.

Лада, переодевшись в тунику, с полотенцем через плечо заглянула к Тине.

– Примем душ и сварганим чего-нибудь поесть.

– Идём, – Тина накинула халат, прихватила пакет с банными принадлежностями.

Они обогнули дом, по бетонной дорожке прошли к шиферному строению с бочкой наверху. За садом из десятка деревьев и множеством ягодных кустов виднелся ухоженный огород.

– Это летний душ, а ещё можно затопить баню. – Тина показала на деревянную постройку.

– А потом чай попьём из самовара, – воодушевилась Лада.

Тина улыбнулась.

– Экзотика? Тогда ты обрадуешься и туалету, – она ткнула пальцем в уличный туалет без крыши, с дверью из самосвязанного половичка.

Лада пожала плечами.

– А что, удобно? Почти под деревом, на природе.

– Молодец, подружка. Я думала: начнёшь ныть. Иди в душ первой, я на лавочке подожду.

Лада открыла кран и взвизгнула от холодной воды.

– Она ещё не нагрелась!

– Так ведь утро, – со спокойствием философа ответила Тина.

Лада закончила водные процедуры в ускоренном темпе.

– Иди-иди. Теперь я поехидничаю. И знай: того, кто год ходил пешком на восьмой этаж трудности не пугают. Мне сейчас чем хуже, тем лучше.

Пять лет назад жителей из разваливающейся пятиэтажки переселили в новый дом. Семьи Стахий и Лавровых получили квартиры в одном подъезде, но на разных этажах. Лавровы на первом, Стахий на восьмом. Подруги иногда вспоминали старый двор. К сожалению, жителей остальных трёх ветхих домов расселили в разные районы города, и они теперь редко встречали друзей детства. Правда, особо скучать стало некогда, началась учёба в институте, взрослая жизнь, да и ребят вскоре разбросало по всей стране.

Пока Тина купалась, Лада приглядывалась к печке под навесом, крытым позеленевшим от времени шифером. Рядом с небольшой печью стоял древний посудный шкаф, стол с парой табуретов, скамейка и рукомойник. Грецкий орех, росший неподалёку, давал живительную прохладу. Лада убрала железную заслонку и увидела в печи дрова. В одном из ящичков шкафа отыскиались спички. Воодушевлённая находкой, она подожгла бумагу под дровами. Бумага прогорела, а дрова не загорелись. Лада набрала воздуха в лёгкие и подула на ещё тлеющие остатки бумаги. В лицо пахло сажей и пеплом.

– Ты не открыла поддувало, – засмеялась Тина, глядя на чумазую рожицу подруги.

Лада попыталась стряхнуть золу с одежды и только больше размазала её по светлой ткани.

– Чёрт! Какое ещё поддувало?

Тина открыла железную дверку внизу печи, набрала в чайник воды, водрузила его на чугунные кружки.

– Можно готовить пищу сверху, как на газовой печке, а можно ставить внутрь печи, когда останется только жар.

Лада только вздохнула, рассмотрев в потускневшем зеркале над умывальником грязное лицо.

– Золушка, как есть золушка. За тобой обещанный самовар, а я опять на закаливание в «летний» душ.

Через полчаса Лада, изображая из себя купчиху, шумно прихлёбывала чай из блюдечка. На столе стояла вазочка с клубничным вареньем, найденным в шкафу, блюдо с бутербродами, остатки колбасы с сыром, недоеденные в дороге.

– Управимся с хозяйством и сходим по грибы. На вечер я сделаю картошку с грибами. В печи всё вкуснее получается – язык проглотишь.

Лада сладко до хруста в костях потянулась.

– Слушай, а здесь здорово. Помнишь, как мы в лесополосе пикники устраивали, а тут каждый день пикник на природе. Птички поют, пчёлки жужжат.

– Комары кусают, – хмыкнула Тина, прихлопывая на руке надоедливой кровопийцу.

Наблюдая, как подруга доила козу, кормила кур, резала серпом траву для гусей и кроликов, Лада только удивлялась: откуда у Тины все эти житейские умения?

– Я видела, как это делала бабушка, – пояснила Тина, догадавшись, по задумчивому виду подруги, о чём та думает.

– Ты сюда приезжала сто лет назад, неужели до сих пор помнишь.

– Не у одной тебя хорошая память. Да и что тут можно забыть, – удивилась Тина и скомандовала: – Переодеваемся и по грибы.

Как-то так получилось, что уже в первом классе Тина могла приготовить суп и борщ, овощи резала ножом так же уверенно как мать. Она рано научилась делать уборку в доме, разбиралась в тонкостях стирки и глажки, словно губка впитывала и запоминала мелочи и секреты, а главное, всё делала с удовольствием. Специально Тину никто не учил. Ладе иногда казалось: умение вести домашнее хозяйство заложено в подруге изначально. Она же, в первый раз сварив нормальные, не слипшиеся макароны, страшно гордилась этим, каждое её достижение было результатом проб и ошибок. Лада сначала не подозревала: неумелость вызвана тем, что собственная мать не прилагала никаких усилий к порядку в доме и отличалась большой безалаберностью. До семи лет Лада не замечала бардака в квартире. Долго считала: вся полезная еда, кроме лакомств, малосъедобная. Подружившись с Тиной, попала в ухоженную, идеально чистую квартиру Лавровых и невольно сравнила её с собственной. А когда после долгих уговоров попробовала борщ тёти Маруси, удивилась необыкновенному вкусу этого повседневного блюда. Постепенно ей стало доходить, что любимая, весёлая мама не очень-то хорошая хозяйка. Именно от тёти Маруси и Тины Лада хоть как-то научилась готовить и ухаживать за своими вещами. Она боролась с беспорядком в квартире, прибирая за матерью, как за ребёнком. Вечно занятый на стройке отец давно махнул на жену рукой. Спустя годы Лада поняла, отец очень любил мать и ценил её за лёгкий, весёлый характер. После его смерти, мать утратила живость характера, прежде в заразительном смехе появились истеричные нотки.

Лес начинался сразу за полуразрушенными домами. Лада, обожающая всякие тайны и загадки, заявила, что обязательно исследует развалины, вдруг отыщет что-нибудь интересное. Тина только пожала плечами, ей очень не хотелось бродить по заброшенным жилищам.

– Если там что-то и оставалось, то местная ребятня давно растащила. Бабушка говорила, что один дом опустел давно. В другом ещё несколько лет назад жили люди, когда я здесь гостила, то видела старуху и противного дядьку.

– Ой, я гриб нашла, – обрадовалась Лада – посмотри, съедобный?

Тина срезала ножом крепкий подосиновик. Рядом заметила ещё несколько.

– Съедобный. Вон ещё. Повезло нам.

Лада подняла голову. Тонкие, гибкие ветви деревьев с изящными листочками перешёптывались, навевая грусть.

– Странные деревья, будто на них трясушка напала.

– Точно. Недаром говорят: в берёзовом лесу жениться, в осиновом удавиться.

– Так это осины? В общем-то, симпатичные деревья, но всё-таки символично, что неподалёку от осиновой рощи люди забросили дома. Мы обязательно туда сходим.

Тина с досадой произнесла:

– Дались тебе эти развалюхи.

– Интересно же.

За осиновой рощицей лес посветлел, всё чаще стали попадаться берёзы.

– Красота-то какая. Вот где надо жить, а мы с тобой в пыльном Дмитрове душимся, – восхитилась Лада. – У нас вокруг города одни поля, ни тебе речки или леса.

Дмитров походил на множество других провинциальных степных городков. Окраины сплошь частные дома, в центре здание администрации, парк с фонтаном, площадь, окружённая большими и маленькими магазинчиками. Чуть в стороне от центра кинотеатры, дом культуры, библиотека и бассейн.

Тина не разделяла восторга.

– Белозёрск меньше нашего Дмитрова, где мы работать будем? Здесь своих бухгалтеров, как собак нерезаных. На сорок тысяч жителей семенной завод, крахмальный и мебельная фабрика. Всё. Остальное так по мелочи.

Лада развеселилась.

– Меркантильная ты, Тинка. Найдём местных принцев, выйдем замуж, коз заведём, детей.

– Так-так сначала коз, а потом детей, – хмыкнула Тина. – Ты уже подзабыла Филиппа?

Лада помрачнела.

– Зачем напоминаешь!

– Извини.

– Надо же, какие удачливые девушки, – услышали подруги чей-то голос.

Лада обернулась. Из-за кустов боярышника вышел мужчина лет шестидесяти с пустой корзинкой в руках. В такую жару он был наряжен в тёплые брюки и клетчатую рубашу, поверх которой красовалась шерстяная жилетка ручной вязки, на ногах старые потрескавшиеся калоши. Взгляд у незнакомца показался девушкам недобрый и даже злым.

– Грибы говорю, отыскиали, а я вот не смог. Вы не местные?

Тина поёжилась от колючего взгляда собеседника, но постаралась улыбнуться.

– Да нам повезло, вот собрали немного грибов. И вы угадали, мы не местные.

– Я сразу это понял. К кому приехали?

Лада хмыкнула: интересно, все пожилые люди такие любопытные? Тина, стараясь не обращать внимания на неприятное выражение на лице мужчины, дружелюбно ответила:

– К тёте Саломее с улицы Вишнёвой. Может, знаете такую?

– Знаю, – прошелестел его голос. – А вы ей кто?

– Она никто. – Тина показала на Ладу. – А я её племянница.

Глаза незнакомца буквально полезли на лоб от удивления, он, не стесняясь девушек, громко выругался и поспешил от них прочь. Подруги ошеломлённо посмотрели вслед быстро удаляющейся фигуры грибника.

Лада покрутила у виска.

– Странный дед, но ему ваша семейка явно не по нраву.

Дома, перебрав лесные трофеи, растопили печь. Пока Тина копала картошку в огороде, Лада отправилась кормить кур и гусей.

– Ой, мамочки! – послышался душераздирающий крик из хозяйственного двора.

Тина, бросив ведро с картошкой, помчалась на помощь. Лада, закрыв голову руками, кругами бегала по двору от крупного петуха с роскошным трёхцветным хвостом. Тот насккивал на неё, яростно бил крыльями, пытаясь клюнуть в спину, ноги, плечи. Тине удалось схватить и чуть придушить злющую птицу.

– Будешь ещё нападать, башку отрежу, а из тушки лапшу сварю.

Петух сипел и косил налитым кровью глазом на мучительницу.

– Смотри мне, – пригрозила Тина, отбрасывая полузадушенного пернатого террориста.

Лада, скрывшись за забором, оглядела себя.

– Сволочь! Ноги, руки поклевал и поцарапал своими клешнями.

– Шпорами, – поправила Тина. – Надо было сразу ему показать, кто главный в доме.

– Да он неожиданно напал. Я лишь хотела симпатичную курочку с руки покормить. Вот скотина! – ужаснулась Лада, обнаружив разорванную штанину, и виднеющуюся в прорехе длинную царапину с каплями крови. – Гуси тоже ненормальные. Орали как оглашенные. Только коза отнеслась ко мне по-человечески.

Тина еле сдерживала смех, боясь разозлить вспыльчивую подругу.

– Бедная ты, бедная. Прямо звери, а не птицы.

Пока поверженная Лада приводила себя в порядок и смазывала царапины зелёнкой, Тина успела поставить чугунную сковороду в печь. На столе закипал самовар, источая пар, пахнувший мятой и малиной. Вечерний душ принимали в приятной тёплой воде, нагретой солнцем за день.

Чистые и благодушные подруги в четыре руки быстро накрыли стол.

– А картошечки там достаточно? – поинтересовалась Лада, плотоядно посматривая на сковороду, вытасценную Тиной из печи.

Тина, водрузив сковороду на железную подставку, подняла крышку. Необыкновенно вкусный аромат поплыл в прохладном вечернем воздухе.

– Какой запах! Божественно, – восхитилась Лада, вооружаясь вилок.

После ужина и неспешного чаепития под разговоры ни о чём, идти в душный дом совершенно не хотелось.

– Тин, спасибо, что привезла меня сюда. Во-первых, я никогда ещё не ела такой вкуснятины, во-вторых, отказалась от мысли пристрелить Филиппа, пусть сволочь живёт и радуется. В-третьих, тут так здорово. Соловьи поют.

– Это синицы.

– Откуда знаешь?

Тина с грустью пояснила:

– Во второй раз я приезжала сюда на два дня с папой, а он любил слушать птиц и много о них знал.

Отец Лады умер, когда ей исполнилось пятнадцать, боль успела притупиться, а Тина потеряла отца лишь три года назад и ещё не смирилась с утратой.

Зазвенели колокольчики, раздался зычный голос от калитки.

– Саломеюшка, молочко готово?

Тина подхватила банку с козьим молоком.

– Тёткин покупатель пришёл.

Пока подруга относила молоко, Лада вымыла кружки из-под чая, навела порядок на столе.

– Фу, бывают же неприятные люди, – заявила вернувшаяся Тина. – Старик, а такой масляный, липкий взгляд, аж, на душе гадко стало. Пока не расспросил обо всём, не успокоился. На грудь так пялился, что прикрыться хотелось.

Лада засмеялась.

– Мужчины и в преклонном возрасте остаются ценителями женской красоты. А такую грудь, как у тебя, ещё поискать надо.

– Преклонным возрастом я бы не назвала, покупателю где-то за пятьдесят. Но в тёмном месте я бы с ним побоялась встретиться. Очень несимпатичный клиент у тётки Саломеи.

– Может, тебе показалось?

– Посмотришь сама, когда заявится за молоком в следующий раз.

***

Лада проснулась от жуткого крика, медленно затухающего в ночной тиши. С гулко бьющимся от страха сердцем села на кровати.

– Не надо! Пожалуйста, не надо! – снова раздался крик. Лада не сразу узнал голос подруги, так незнакомо, по-детски он звучал.

Двери в спальни оставались открытыми по просьбе Лады, хотя любые не затворенные двери и дверцы шкафов раздражали Тину, но тут ей пришлось смириться.

Лада примчалась в комнату подруги, сквозь плотно задёрнутые шторы едва пробивался лунный свет. Тёмный силуэт неподвижно лежащей Тины озадачил. Лада наклонилась и вздрогнула: глаза подруги широко открыты.

«Наверно, ей снился кошмар, и она кричала во сне?»

Пока Лада раздумывала, тело подруги изогнулось, снова послышался тот же необычный голос.

– Где я? Здесь темно и страшно. Не трогайте меня!

Глупая, но жутковатая мысль промелькнула в голове Лады: «А вдруг в Тину вселился призрак ребёнка? Этой самой Варюшки, пропавшей на лугу».

Собравшись с духом, она потрясла Тину за плечо.

– Проснись. Ты меня здорово напугала.

– Ой! Что случилось?

– Ты орала голосом маленькой девочки, просила не трогать тебя. Я признаться перетрусилась, – Лада уселась на краешек кровати.

– Серьёзно? Снилось что-то неприятное. Может, переела на ночь? – предположила Тина.

– А я уже страшную теорию подвела под твой детский голосок, – хмыкнула Лада смущённо. – Решила, что Варюшка в тебя вселилась. Ты уверена, что раньше не кричала по ночам, может, тётя Маруся скрывала?

– Успокойся. Не кричала. Точно грибов переела. Всё, давай спать, – Тина укрылась по самую шею и отвернулась к стене.

– Ты спишь как рыба с открытыми глазами.

Тина глухо пробормотала:

– Не выдумывай.

Лада вернулась в свою спальню. Через тонкую тюль в комнату проник лунный свет, сделав её необычной и чуточку сказочной. Она посмотрела на освещённый луной сад и похолодела: силуэты кустов походили на чудищ с уродливыми телами, корявыми лапами и жуткими мордами. Отругав себя за слишком богатое воображение, Лада улеглась в кровать.

Утром, доев разогретую картошку, подружки решили выполнить первое поручение тётки Саломеи: собрать чёрную смородину. Лада отправилась в домик без крыши и только присела на корточки, как ей на спину свалилась крупная слива. Подняв голову, сквозь ветви и листву узрела незнакомца, сидящего на дереве. Лицо охватило жаром стыда, едва успев надеть штаны, Лада рванула к дому.

– Представляешь, там, на дереве, кто-то сидит. И он, наверно, видел мою голую задницу. Кошмар!

Тина засмеялась.

– Слива принадлежит соседям. Видимо, она так разрослась, что туалет оказался под её ветвями. Дядя Антон вряд ли на дерево полезет, раньше он толстый был, а вот Клим мог. Я его подростком помню, ох и жутко вредный.

Лада прижала ладони к горящим щекам.

– Хватит ржать. Как я теперь на глаза покажусь?

– Да брось, – махнула рукой Тина, снова засмеявшись, – дело-то житейское. К тому же можно и не знакомиться. Клим, скорее всего, женат, он старше нас года на три.

– Тебе смешно, а я в непотребном виде перед мужчиной оказалась. А всё твоя тётка виновата, не могла туалет в другом месте поставить.

Тина обняла бушующую подругу.

– Успокойся. Ну что он мог увидеть? Так чуток сверкнула пятой точкой.

Лада возмущённо засопела и вывернулась из объятий.

– Издеваешься?

– Всё-всё. Больше не буду.

***

– Тётка Саломея эксплуататор, зачем столько ягодных кустов насадила. Куда ей столько припасов? – проворчала Лада, наливая готовое варенье в банку.

– Друзей, знакомых угощает, родственникам передаёт. Ты сама его у нас ела, ещё восхищалась, мол, самое вкусное на свете варенье.

Закрутив крышку на банке, Лада подала подруге.

– Теперь знаю, это оттого, что ягоды томятся в печи. Такое варенье без живого огня не приготовишь.

– К вам можно? – Клим, заметив новых соседок под навесом, постучал в калитку, в унисон его стуку зазвенели колокольчики.

– Ой, нет, – заметалась Лада. – Не хочу его видеть. Отнесу банки в подпол.

Тина едва сдержала смех: смущённая подруга выглядела очень потешно.

– Нечего метаться, как ошпаренная, он уже и думать забыл про туалет. Чего ты раздуваешь из мухи слона?

Не слушая её, Лада, подхватив корзинку с банками, помчалась в дом. Клим, проводив взглядом незнакомку, с которой познакомился весьма необычным способом, с трудом удержал серьёзную мину на лице. Тину он узнал сразу, хотя не видел пятнадцать лет. Она и тогда выглядела маленькой женщиной: округлые плечи, тонкая талия, крутые бедра. Среди слабого пола иногда попадаются особи, проходящие этап взросления безболезненно: у них не бывает нескладной фигуры, худобы, и той особой цыплячьей неуклюжести внешности, отличающей многих девочек подростков. Из симпатичной девочки Тина сразу превратилась в

роскошную взрослую женщину. Может, на придирчивый взгляд некоторым мужчинам она показалась бы слегка крупноватой, Клим же с нескрываемым восхищением смотрел на красивую большую грудь, округлый маленький аппетитный животик, пышные бедра, стройные ноги с тонкими щиколотками и скрипичную талию. Глядя на Тину, отчего-то понимаешь, она станет хорошей женой. Сразу представляется: ухоженный дом, вкусная еда и целый выводок детей.

– Привет, Лаврушка. С приездом. Рад тебя видеть. Чаем угостишь? – Клим звонко чмокнул в зарумянившуюся от жара печи щёку Тины, с удовольствием пожал крепкую ладошку девушки.

Тина положила большую коробку конфет, принесённую гостем, на деревянный стол, покрытый клеёнкой в цветной горошек.

– Привет. Я тебя только по глазам узнала.

И немудрено. Из вихрастого мальчишки-забияки, с вечно не стриженными волосами, Ким превратился в сильного, крепкого мужчину. Светлые волосы потемнели, узкий подбородок стал почти квадратным, выделились скулы, и лишь серо-зелёные глаза под прямыми густыми бровями остались по-прежнему насмешливыми.

– А кто это так поспешно убежал с корзинкой в дом? – хмыкнул Ким, вспомнив заполошные метания щуплой девицы по двору.

Тина поставила чайник на печь.

– Моя лучшая и, в общем-то, единственная подруга Ладислава. Ты обязательно познакомишься с ней, как только она забудет о неловкой ситуации.

– А я уже забыл. Пусть не переживает, с радостью поразглядывал бы её попку, но, к сожалению, ничего не видел... так один силуэт. Слишком густая листва у сливы. Надо будет проредить немного, – засмеялся он.

Тина шлёпнула его полотенцем по руке.

– Я тебе прорежу.

Лада, притаившись за приоткрытой дверью веранды, прислушивалась к их разговору. Она с облегчением узнала о густой кроне дерева, но выйти к гостю после своего поспешного бегства так и не решилась.

– Тётка Саломея говорила, что за хозяйством приглядит твоя мама. А оказалось, ты приехала да ещё с подругой. – Клим отхлёбнул глоток чая, поданного хозяйкой. – Вкусно-тища. Жаль, что мы у себя развалили печи и во дворе, и в доме. Теперь такое варенье можно только у твоей тётки попробовать. На газе, конечно проще готовить, но вкус не тот. – Он подвинул вазочку с ещё горячим вареньем ближе. – Не жалко, если я всё съем?

Тина, приглядевшись, всё больше находила в лице гостя знакомые черты мальчишки из далёкого детства. Тогда после окончания второго класса родители на месяц отправили её к тётке Саломее. Двенадцатилетний Ким сначала не принимал «мелкую» Тину, которую дразнил Лаврушкой, в свою команду, но потом смиростивился и иногда позволял принимать участие в играх.

– Ешь на здоровье. Мы почти всю смородину оборвали, сварили достаточно. Мама собиралась приехать, но я её опередила. Решили с подругой провести лето на свежем воздухе. Белозёрск хоть и считается городом, больше похож на большую деревню. А тёткин дом так и вообще у самого леса. Как тётя Аня? Дядя Антон всё ещё таксует?

На лицо Клима легла тень.

– Отец попал в аварию и теперь передвигается в инвалидной коляске, а мама еле отошла после инсульта. Говорит ещё плохо, но уже может себя обслуживать.

– Ой! – Тина закрыла рот руками, на глаза навернулись слёзы. Вспомнился погибший под колесами машины отец. – Как жалко. Тётя Аня такая шустрая была, бабушка Калерия

её семиделкой называла. А дядя Антон меня всегда конфетами угощал. – Тина чуть покраснела. – И будущей невесткой называл.

Клим улыбнулся.

– Точно. Он и мне сказал: вот посмотришь, Лаврушка вырастет красавицей – женись на ней.

Лицо Тины порозовело сильнее.

– Да уж, шутник дядя Антон.

Клим посерьёзnel.

– Да нет. Он оказался прав. Ты и, правда, замечательно выглядишь. Думаю, надо отца послушать.

Тина замахала руками.

– Балабол. – Постаралась сменить тему. – Тётка говорила: ты работал на Севере.

– Работал. Даже квартиру купил в Нижневартовске. Но когда с отцом произошла беда, вернулся домой, и вовремя... От переживания у мамы случился инсульт. – Клим, заметив расстроенное лицо Тины, успокоил: – Сейчас полегче. Жизнь наладилась, но о работе на буровой пришлось забыть. Продал квартиру и открыл здесь своё дело: автомойку и ремонтную мастерскую. На пару с Ильёй Рунгелия трудимся. Помнишь его?

– Ещё бы! – буркнула Тина. – Он меня толстухой и тормозом обзывал. Из-за него меня никогда не принимали играть в выбивалу, а сам-то мяч не мог разглядеть, вечно шурился.

Клим засмеялся.

– Кое в чём он прав, тебя быстро выбивали, слишком степенно уворачивалась.

– Да уж, в подвижных играх я не мастер, вот Ладка та, как ртуть. С ней замучаешься, пока выбьешь, загоняет на смерть – её тоже не очень-то звали играть.

– Может, кликнешь подругу, познакомишь.

Лада отпрянула от двери, задела пустое цинковое ведро, и оно с грохотом покатилося по веранде.

Клим хмыкнул.

– Она там дом не разнесёт?

Красная и злая от смущения Лада выглянула наружу.

– Нечего подсматривать.

Клим засмеялся.

– Заметьте, невольно. Выходите, Слава, не прячьтесь.

– Никогда не называйте меня Славой, терпеть этого не могу, – пробурчала Лада, мелкими шажками приближаясь к навесу.

Тина пояснила:

– У нас во дворе жил мальчишка, вечно сопливый, большой кляузник и брехун. Ладка постоянно с ним дралась: именно ей от его вранья доставалось больше всех. Родители дали ему претензионное имечко Святослав, а все звали его Славой.

– Ладно, – поднял ладони Клим. – Лада, так Лада. Хорошее имя. И если можно, давай на ты. Я человек простой, поэтому лучше без политеса.

Лада, искоса глянув на гостя, уселась как можно дальше от него. Тина подвинула подруге тарелку с блинчиками, налила в большую кружку чай. Клим, прикрыв глаза тяжёлыми веками, исподтишка разглядывал новую знакомую. Несерьёзная современная стрижка рванными прядями, слегка вздёрнутый нос, капризный пухлый рот, но при этом упрямый подбородок, а взгляд тёмно-карих глаз остро-колючий. Если Тина мягкими округлыми формами, приветливой улыбкой сразу располагала к себе, то худощавая, порывистая Лада настояживала. Казалось: она может выкинуть, что угодно.

– Лучше запомнить сразу. Кстати, своё полное имя я тоже не люблю, – добавила Лада, уплетая очередной блин.

Клим, проследив за исчезновением в небольшом рту девушки целого блина, съязвил:
– Не в коня корм или глисты?

Лада демонстративно осмотрела массивную фигуру Клим.

– А вы я вижу, свои давно вывели.

Клим весело засмеялся, удивительно, но колючая девушка вызывала желание подтрунивать над ней.

– С детства квадратный. Рад познакомиться с сердитой соседкой, хотя больше покладистых люблю.

– Привет честной компании, – раздался с улицы чей-то голос.

Все дружно повернули головы в сторону калитки, которая тотчас отворилась. По двору разнёсся приятный звон колокольчиков. Во двор без приглашения шагнул молодой мужчина. Пока он несколько картинно шёл к навесу, девушки успели его разглядеть. Ладе в первую минуту показалось: незнакомец движется замедленно, словно плывёт, горделиво показывая себя во всей красе. А посмотреть было на что: высокий рост, атлетичная фигура, внешность кинозвезды, вдобавок ко всему потрясающие синие глаза. Лада сразу вспомнила, у кого она видела такой же самовлюблённый взгляд и непроизвольно разозлилась.

Незнакомец прекрасно знал, что красив, явно привык наслаждаться каждым восхищённым женским взглядом. Он сразу заметил очумелый взор Тины, поклонился ей.

– Позвольте представиться, Станислав Мерабов.

– Тина.

Лада озадачилась внезапно изменившимся хриплым голосом подруги: «Тина взволнована? С чего бы это?»

Мерабов всё больше напоминал ей Филиппа.

Гость галантно приложился к руке Тины, многозначительно посмотрел в глаза.

– Какое чудесное имя у такой замечательной девушки.

На щеках Клим заиграли желваки.

– Ты меня искал?

– Тебя. Анна Сергеевна проинформировала: ты отправился в гости к соседям. Я бы не стал прерывать вашу беседу, но у меня возникла срочная нужда.

– Какая?

– Одну минутку. Как невежливо. Я ещё не познакомился с другой дамой, – кивнул он на Ладу. – Простите моего торопливого друга. Как вас зовут, прелестнейшее создание?

Лада с кривой ухмылкой наблюдала за попыткой красавца обаять и её. Как же ей знакомо это выражение, и эта улыбочка самовлюблённого нарцисса и абсолютнейшая уверенность в своей неотразимости.

– Как и вас Слава.

Незванный гость недовольно нахмурился, глаза вмиг сделались колючими, но он тут же спохватился, растянул губы в белозубой улыбке.

– Предпочитаю полное имя или просто Стас по-дружески. Я очень надеюсь, мы подружимся, – он сделал попытку коснуться руки Лады.

Та резко отпрянула.

– Вряд ли. Лимит на друзей у меня полностью исчерпан.

Мерабов явно не привык к отпору со стороны девушек. Он озадаченно уставился на Ладу.

– Что ты хотел? – напомнил о себе Клим. У меня сегодня выходной.

– Извините, милые дамы, дела, – Станислав повернулся к нему. – Полетела подвеска сразу у обоих «Газелей», твои архаровцы заявили, что начнут ремонт только через день, как освободится бокс. Ты бы повлиял на них.

– Как? Все слесаря заняты. Подожди сутки и пригоняй машины.

Мерабов закусил губу.

– Машины нужно срочно. Пусть отложат заказы и сначала отремонтируют мои автомобили.

Клим положил руку на плечо Станислава.

– Не горячись. Возьми у Ильи напрокат «Сканию» с холодильной камерой, она заменит обе «Газели».

– О друге заботишься?

– О тебе тоже. Девочки, спасибо за чай и угощение, нам пора.

Станислав улыбнулся Тине.

– А я бы не отказался от чая, если конечно дамы не против.

В глазах Клима промелькнула досада. Ладе захотелось выпроводить нахального гостя.

– А у нас чай закончился. Представляете? – захлопала она ресницами.

– Тиночка, вы же не оставите меня без глотка живительной влаги? – Мерабов заглянул ей в глаза.

Лада зачерпнула кружку воды из ведра и протянула напористому гостю.

– Пейте. Захотите ещё, тут у нас целое ведро.

Клим захрюкал от сдавленного смеха. Тина покраснела.

– Извините мою подругу, она сегодня негостеприимна. Садитесь, я угощу вас своим фирменным чаем.

Клим в некоторой растерянности постоял немного и снова уселся за стол. Лада фыркнула:

– А я уже выхлебала целую кружку, пойду сосну часок, завяжу жирок.

– Слава не любит посторонних? – вежливо поинтересовался Станислав, принимая чашку чая от Тины.

– Я всё слышу, – откликнулась Лада, поднимаясь по ступенькам на крыльцо. – Просто некоторые личности жутко раздражают.

– И когда это я успел надоесть? – удивился он.

Лада дёрнула плечом, игнорируя вопрос, и громко хлопнула входной дверью.

– Моя подруга очень эмоциональна, – извиняющим тоном произнесла Тина. – У неё есть причина недолюбливать симпатичных мужчин.

Станислав накрыл ладонью руку Тины.

– Ваши слова звучат музыкой. – Попробовал блин, с блаженным видом прожевал. – Уверен, блинчики именно вы готовили. Просто божественный вкус.

– Спасибо.

– Нет, правда, блинчики – чудо! Дело в том, что я разбираюсь в хорошей еде. У меня свой ресторан, кафе бар...

– И пар-тройка забегаловок, – вклинился в светскую беседу Клим. – Ты же спешил или я ошибаюсь?

Станислав снова приложился к руке Тины.

– Действительно, пора. Если позволите, я заеду на днях, запишу рецепт ваших блинчиков. До-свидания, – произнёс он со значением в голосе.

Тина проводила мужчин до калитки.

– Тебе мало своих девок, – прошипел Клим, когда они отошли от двора тётки Саломеи на порядочное расстояние. – Чего ты к Тине клинья подбиваешь?

Станислав усмехнулся, глаза сделались ледяными.

– Можешь толстуху себе оставить, мне больше злючка приглянулась. Ещё не доводилось получать отпор от малявок.

Клим чуть повеселел, но тут же оскорбился за Тину.

– Она не толстая. Настоящая женщина должна быть при теле. Если тебе понравилась вторая девушка, называй её Славой, ей так больше нравится, – посоветовал он.

– Я понял. Ну что, поехали к Илье?

Тина мыла посуду с загадочной улыбкой моны Лизы на лице. Лада с минуту наблюдала за ней.

«Только не это! Неужели ей понравился Мерабов?»

Лада не помнила ни одного случая, чтобы Тина впадала в задумчивость. Милая, практичная подружка, всегда трезво оценивала сильную половину человечества и как-то заявила: «Я буду выбирать мужа головой, не сердцем. Сердце потом полюбит достойного, умного и хорошего человека, который станет отцом моих детей» Она осуждала влюбчивость Лады и её неразумное следование велениям сердца, а сама попала под обаяние сладкоголосого красавца.

– Тин, дырку в тарелке протрёшь.

Та вздрогнула.

– Извини, задумалась.

– Вижу.

– Он сказал, что мои блинчики самые вкусные. – Тина сполоснула чашку тёплой водой. – Глаза у него словно море синие-синие.

Лада застонала:

– Да очнись ты, этот Станислав такой же болван, как и Филипп. Только себя и любит.

Тина помотала головой.

– Ты его видела пару минут и не можешь знать, какой он. Твой Филипп заносчивый эгоист, а Станислав вежлив, мягок.

Лада фыркнула:

– Поняла это за двадцать минут общения?

– Иногда достаточно одного взгляда. Никогда не думала, что кто-то может поразить меня до самой глубины души.

– Я скажу тебе насчёт первого взгляда, лучше присмотришься к соседу. Вот кто надёжный человек, не оставил беспомощных родителей, следит за их здоровьем, а главное, ты ему очень понравилась. Он глаз с тебя не сводил, зрачки в бездонные ямы превратились: уровень окситоцина прямо зашкаливал.

Тина бесцельно водила рукой в тазу с водой.

– Клим память о детстве. Какой ещё окситоцин?

– А то ты не знаешь. Гормон такой. Желал он тебя так, что даже я заметила. Смотрел, как голодный на кусок хлеба.

– Не выдумывай. – Тина шевелила пальцами в мыльной воде. – А как Станислав смотрел?

Лада отобрала у неё эмалированную игрушку, вылила воду.

– Забудь о нём. Не повторяй мою историю.

– А вдруг ты ошибаешься? – Тина села на табурет и уставилась куда-то в небо.

Лада вздохнула, заложив руки за спину, побродила туда-сюда по дорожке.

– Помечтала и хватит. Ты обещала, как закончим с первыми ягодами, сходим в заброшенные дома. Я пахала, словно рабыня на плантации, хочу получить удовольствие от приключений. Вдруг клад отыщем.

– Какой клад в деревенском доме. Там жили обычные люди, – Тине ужасно не хотелось брести в развалины и пачкать одежду.

– А мне вот интересно, почему люди бросили свои жилища? Твоя тётя что-нибудь говорила об этом.

– Детям не разрешалось там играть. Мол, в старом доме до сих пор живёт призрак ведьмы.

Зря она это сказала: глаза Лады загорелись любопытством и азартом.

– Там ведьма жила?

– Думаю, просто детей пугали. Тётя как-то сказала: не было никакой ведьмы, жила несчастная одинокая старушка. Когда она умерла, дом оказался никому не нужным. Слишком старый. А из другого дома семья куда-то переехала. Может, им не нравилось жить возле леса.

– Получается, мы можем исследовать развалины спокойно, никто не будет возмущаться, – обрадовалась Лада, потирая руки.

Глава 2 Лавровы

В семье Лавровых главой считалась Мария Степановна. Твёрдой рукой она управляла немногочисленными домочадцами: мужем, сыном и дочкой. Дети с детства научились подчиняться властной, серьёзной, неуступчивой, но справедливой матери. Она не терпела беспорядка, праздного времяпровождения и любых увлечений, не приносящих, по её мнению, пользы для дома. Выйдя замуж за тихого, спокойного и совершенно неконфликтного Михаила, Маша быстро осознала: именно ей придётся взять на себя принятия решений и руководство семьёй. Муж с радостью подчинился, его совершенно не угнетало, что он оказался на вторых ролях. Умная Мария всегда советовалась с мужем, подчёркнуто уважительно говорила с ним при детях и посторонних. Она не допускала ссор и скандалов, считая их проявлением слабости и распушенности характера. К её радости оба ребёнка характером пошли в неё. Сын Александр, окончив школу с одной четвёркой, поступил в Политехнический институт, потом отслужил в армии и вполне успешно штурмовал карьерную лестницу на огромном моторно-дизельном заводе в Волгограде. Её немного волновала дочь, очень рано развившаяся физически, да ещё дружившая с неподходящей девочкой. Но после нескольких серьёзных разговоров она поняла: Тина только выглядит повзрослевшей, на самом деле совсем ещё ребёнок. Мария сначала настаивала на прекращении дружбы со слишком эмоциональной, безалаберной Ладой, но потом решила приглядеться к подруге дочери. Несколько раз пригласила девочку к обеду. К собственному удивлению поняла: Ладислава ей понравилась. Та понятия не имела, как вести себя за столом, болтала с набитым ртом, перебивала взрослых, выглядела неухоженной и напоминала худого взъерошенного воробья. Сначала она сильно нервировала Марию Степановну отсутствием манер, неуместной смешливостью, пока та не заметила: Лада очень смышлёная и быстро учится правильному поведению. А ещё девочка искренне восхищалась их домом, её умением готовить, чистотой и порядком. Иногда Мария Степановна жалела, что слишком выдрессировала домочадцев, научив их спокойствию и невозмутимости. Пообщавшись с эмоциональной Ладой, осознала, как приятен восторг и похвала удачно приготовленному блюду, или вкусному пирогу пусть даже и от ребёнка.

Как-то Марии Степановне довелось наблюдать за обычной детской ссорой во дворе. Маленькая щуплая Лада, не раздумывая, бросилась на защиту её крупной рослой дочери. Она с кулаками насакивала на обидчика, заставив его ретироваться. Этим Лада окончательно покорила её сердце. И хотя потом именно подруга вовлекала дочь в различные проказы и неприятности, она не меняла своего отношения к девочке. Но вот с матерью Лады отношения у Марии Степановны не сложились. Вероника Архиповна раздражала её всем: беспечностью, неуместной весёлостью, лёгким отношением к жизни, любвеобилием. После смерти мужа тридцатилетняя молодая вдова никак не могла остановиться в выборе мужчины. Мария считала недопустимым такое поведение и с плохо скрываемым презрением относилась к матери Лады. Та в свою очередь находила Лаврову занудой, чёрствым и неинтересным человеком. Ведь даже подарки на дни рождения и восьмое марта эта Мария пред-

почитала практичные и нужные. Букет цветов считала не подарком, а бесполезной тратой денег. Узнав, что отец Лады заказал на день рождения жены фейерверк, только покрутила у виска.

– Лучше бы пальто новое купил.

Тина с раннего детства знала: распорядок дня должен соблюдаться неукоснительно. Нарушение его сурово наказывалось. Причин не появиться вовремя на обед или ужин просто не имелось. Даже увлечшись игрой во дворе, она не забывала поглядывать на время, кажется, Тина единственная из детей носила на руке маленькие изящные часики. Телефон ей купили только к седьмому классу. Девочка очень старалась, чтобы заслужить одобрение матери, редкие похвалы можно было пересчитать по пальцам.

Тина завидовала подруге, которой за любую малость доставались поощрения и восторги. Она до сих пор помнила своё изумление и растерянность, когда за обычный омлет, приготовленный ею и Ладой к приходу Вероники Архиповны с работы, та кинулась обнимать, целовать их. Тина настолько не привыкла к такому бурному проявлению чувств, что буквально оторопела. В доме Стахий многое поражало: приготовление еды на скорую руку, горы немытой посуды, разбросанные вещи. Мать Лады совершенно не волновал беспорядок, в этом хаосе она ухитрялась оставаться ухоженной и опрятной. Раз в две недели на неё находил зуд чистоты, она делала генеральную уборку, потом всё приходило в прежний вид. Тина, побывав у подруги дома, осознала: ей неуютно в их квартире, хотелось разложить вещи по местам, навести хоть какой-то порядок, а приоткрытые дверцы шкафов заставляли её страдать. Если она оставалась в квартире Стахий больше получаса, то непременно задвигала ящички, закрывала дверцы, поправляла шторы, иначе не могла даже разговаривать спокойно. Лада только смеялась над бзиком подруги.

Тина иной раз думала: «Вот бы совместить способности матери и весёлый нрав тёти Вероники. Жаль, идеальных людей не существует». Ей, например, не хватает эмоциональности – этим она похожа на родителей. Ладе с седьмого класса нравились мальчишки, а у неё они вызывали лишь раздражение и досаду, казались глупыми и надоедливymi. А после одного неприятного случая и вовсе отвратительными. К восьмому классу тело Тины совершенно оформилось, она стала привлекать взгляды не только мальчишек, но и мужчин. Одноклассник Кирилл сначала неуклюже ухаживал за ней, потом в школьной раздевалке попытался признаться в чувствах. Тина не стала его слушать. Мальчишка, обидевшись, зажал её в угол и хотел поцеловать. Одной рукой он больно сдавил грудь, другой схватил за шею. Мокрые губы, пахнущие дешёвыми сигаретами, прильнули к её губам, вызывая рвотный позыв. Она оттолкнула его, вытерла губы.

– Фу, мерзость какая.

Глаза у Кирилла заблестели, он со злобой процедил:

– Дура! Да пошла ты...

Быстрый переход от признания в любви к оскорблению поразил Тину до глубины души и надолго избавил от иллюзий юности. К тому же увлечения Лады в школе тоже оказались не серьёзными, первая любовь у неё случилась лишь в институте. Наблюдения за развитием романа подруги, а потом его крахом добавили Тине разочарования и горького опыта.

Неожиданная смерть отца оставила глубокую рану в душе Тины. Оказалось, незаметный тихий отец душа семьи. Брат после похорон вернулся в Волгоград и не мог поддерживать родных. Мать настолько ушла в себя, что с трудом общалась с дочерью. И прежде не шумный дом Лавровых стал совсем тихим, будто вымершим. Лишь Лада помогала Тине пережить потерю. Весь четвёртый курс не давала ей покоя, заставляя учиться, делала за двоих курсовые. Труднее всего пришлось Марии Степановне, дочь училась в другом городе, она осталась в квартире одна. Уволившись с прежней должности кадровика, Мария Степановна устроилась санитаркой в больницу на две ставки: нелёгкая работа спасала от тяжёлых

мыслей. Год оказался очень сложным для обеих: и для матери, и для дочери. Придти в себя Марии Степановне помогло рождение внука, она взяла отпуск и отправилась в Волгоград на помощь невестке. Тина тоже ездила посмотреть на племянника, крохотное существо возродило в ней жажду к жизни. Она ощутила желание стать матерью, дело оставалось за малым – найти достойного мужчину.

Но больше замужества мечтала избавиться от бесполезного семейного дара. Бабушка, тетка, мать, как оказалось и Тина, иногда знали, сколько оставалось жить обречённому на гибель человеку. В семь лет она впервые увидела маску смерти на лице живого человека. Как обычно вежливо поприветствовав старушек-пенсионеров, сидящих на лавочке у подъезда, Тина хотела открыть дверь, но её отвлёк странный вид бабы Симы. Лицо старушки с плотно сомкнутыми глазами, впалым ртом и заострившимся носом казалось восковым и каменно твёрдым. Ноздри девочки уловили жуткий сладковатый запах, будто рядом находился мертвец. Тина вскрикнула, испуганно протёрла глаза. Баба Сима участливо поинтересовалась:

– Ударилась?

Перед Тиной маячило обычное добродушное лицо пожилой соседки. Девочка с облегчением выдохнула и помчалась к себе в квартиру.

Через два дня возвращаясь из школы, она увидела, как из подъезда выносят гроб. Тина окаменела от ужаса: у бабы Симы, лежащей в гробу, оказалось точно такое же лицо, как в мимолётном видении у подъезда. Тина, заикаясь от испуга, поведала матери о случившемся. Та вздохнула, погладила дочь по голове.

– Мне очень жаль. Если бы могла, я бы избавила тебя от этой ноши. Иногда ты будешь видеть маску смерти на лице человека, постарайся не обращать внимания. Ты ничем не можешь помочь. Судьбу нельзя изменить. Женщин нашей семьи преследует этот дар, больше похожий на проклятье. Кто-то умеет рисовать, кто-то петь, а мы заранее видим смерть. Постепенно ты привыкнешь к этому. Люди просто переходят в другой мир, а мы видим этот переход самыми первыми.

– И никак нельзя помочь? Предупредить их, может они выпьют вовремя лекарство, будут осторожнее.

Грустная улыбка появилась на лице Марии Степановны: в своё время она тоже прошла через сомнения и попытки увести обречённых от конечной черты. Увы, безрезультатно.

– Ты только зря напугаешь человека. Он или не поверит тебе и сочтёт дурной шуткой или поверит, но тогда ты отравишь ему последние часы существования в этом мире. Тина, доченька, будь умницей и никому не говори о своих видениях.

– Даже Ладе?

– Даже ей. Она уж точно попытается помочь и наворотит такого...

К счастью, видения у Тины случались нечасто. Если ей вдруг что-то начинало мерещиться, она быстро отворачивалась. Научилась не давать дару проявляться полностью, но это не всегда удавалось. Как-то они с Ладой ехали в автобусе после занятий в кружке танцев, прямо перед ними сидела молодая мама с грудным младенцем. Тина в ужасе увидела смертную маску на крохотном личике малыша. Похолодевшими руками она сжала сумочку, сердце заболело от жалости и к ребёнку, и к его несчастной матери. На этот раз не получалось просто пройти мимо.

– Извините, ваш малыш здоров? – хриплым голосом произнесла Тина.

– Конечно, – удивилась женщина, бросив сердитый взгляд на незнакомую девушку.

– Берегите его. Он в опасности.

Женщина возмутилась.

– А я что делаю? Без советов соплюшек обойдусь.

Тина отвернулась, она не могла спокойно смотреть в сторону малыша. Вернувшись домой, принялась усердно перекладывать вещи в шкаф.

– У тебя и так идеальный порядок, – удивилась мать.

Тина разгладила чуть примятый воротничок рубашки и с болью в голосе выкрикнула.

– Ладно старики умирают, но детей как-то можно спасти?

Мария Степановна поморщилась: дочь непозволительно повысила голос.

– Как? Может у него врождённый порок сердца или аневризма. Пойми, у каждого своя судьба.

Тина подняла на мать глаза полные слёз.

– А ты пыталась изменить судьбу?

Мать села на стул, сложила руки на коленях.

– Пробовала несколько раз, по молодости и глупости. Но ничего не сумела исправить. Пришлось уезжать из города, в котором раньше жила, там меня начали считать сумасшедшей. Не повторяй моих ошибок.

Взрослея, Тина, заметив маску смерти, научилась абстрагироваться. Вот только не всегда удавалось. Самое жуткое воспоминание осталось с ней надолго. После уроков они отправились в центральный парк, Лада собиралась научить её кататься на роликах. Тина, поддерживаемая шуплой подругой, неуклюже двигалась по узкой дорожке.

– А теперь я тебя отпускаю. Держи равновесие, – заявила Лада и толкнула от себя.

Асфальтированная дорожка в этом месте парка шла под уклон. Тина, махая руками, стала быстро набирать скорость.

– Я боюсь. А-а-а, – закричала Тина. – Щас грохнусь. – От страха она закрыла глаза, вверяя себя волю случая, и, как ей казалось, неминуемому падению.

Со всего маха она врезалась во что-то мягкое, открыла глаза. Её крепко держал за плечи незнакомый парень. Лада, мчащаяся следом за подругой, остановилась неподалёку и, тяжело дыша, переводила дух. Тину обуял ещё больший ужас, чем тот, который она испытала только что. На смуглом лице незнакомца чётко проявилась маска смерти. Черты его лица стали слишком правильными, слишком симметричными, а вместо блестящих живых глаз на неё в упор смотрели мёртвые тускло-оловянные.

– Только учитесь кататься? Хотите, я вам помогу? – предложил он с улыбкой.

А она смотрела на розовые красивого рисунка губы незнакомца, спасшего её от падения, а видела застывшее лицо, бледные холодные губы и заострившийся нос. Ощущала ни с чем несравнимый, уже знакомый ей запах мёртвой плоти. Тине стало невыносимо его жалко.

– Послушайте меня, отнеситесь серьёзно к тому, что я сейчас скажу. Над вами нависла смертельная опасность. Будьте предельно осторожны.

Незнакомец нахмурился.

– Надо же! Мелете чепуху, а на первый взгляд такая здравомыслящая девушка. Я не верю в гадалок, пророчества и видения.

– Я мне поверьте. Я не гадалка, но вам угрожает опасность. Вы больны?

Незнакомец усмехнулся.

– Пальцем в небо. Я абсолютно здоров. Хотите напугать? Не получится. По роду профессии давно разучился бояться. – Он глянул на стоящую в стороне Ладу, повысил голос: – Забирайте свою ненормальную подружку, пока она не свалилась.

Лада подхватила Тину, еле держащуюся на роликах, проводила взглядом симпатичного парня, ставшего сердитым и злым после общения с подругой.

– О чём вы говорили? И почему он назвал тебя ненормальной?

Тина чувствовала себя опустошённой и несчастной.

– Посоветовал заняться чем-то другим, на роликах я никогда не научусь ездить, – соврала она.

– Вот же гад! Не слушай его. Научишься.

– Он прав. У меня нет чувства равновесия. Помоги мне добраться до скамейки.

Тина сняла ботинки с роликами, надела туфли лодочки, которые в пакете носила Лада.

– Ты слишком быстро сдалась, – возмутилась та. – Давай завтра попробуем ещё.

– Нет настроения, да и желания тоже.

– Что же, мне одной на роликах кататься?

– Извини. Лад, ты случайно не знаешь этого парня?

Лада округлила глаза.

– Ну, ты даёшь! Вот что значит, не интересоваться мужским полом. Это Иван Ковалёв, он и его друг Степан Ивлёв промышленные альпинисты, Всё, что нужно в городе делать на высоте, выполняют они. Ивлёв и Ковалёв кумиры наших пацанов.

– Понятно.

– Но вот ехидничать насчёт твоего неумения кататься на роликах Ивану не стоило. Я была о нём лучшего мнения.

Тина перевела разговор на другую тему. На следующий день узнав, где найти Ковалёва, втайне от подруги отправилась к нему домой. Она надеялась убедить его, побыть дома весь критический период до исчезновения маски смерти. Сначала Иван не хотел её слушать и указал на дверь. Тина умоляла поверить ей, взять больничный на неделю. Он пообещал, лишь бы отвязаться от назойливой девушки. Будто в подтверждение её словам, на следующее утро Иван проснулся с высокой температурой, пришлось на самом деле взять больничный. Через три дня ему стало немного лучше. Степан уговорил помочь в выполнении заказа: установить электротехническое оборудование на высотном здании. Иван сорвался с крыши тринадцатого этажа, оборвался сто раз проверенный страховочный трос.

Тина узнала о гибели Ковалёва от одноклассников. Сказавшись больной, отпросилась с уроков домой, не в силах справиться с охватившей её апатией и тяжёлым чувством безысходности. Тина смогла придти в себя лишь на третий день. Лада приходила к подруге после занятий, отвлекала от тяжёлых мыслей разговорами, весёлой болтовней и шутками.

После этого случая Тина старалась не задерживать взгляд на лицах людей, научилась смотреть сквозь них. Она не знала, что судьба скоро подкинет новое испытание.

В тот день Тина пришла к подруге подготовиться к контрольной по алгебре, дверь открыл отец Лады. Улыбаясь, он сообщил:

– Ладка ждёт тебя, уже дважды чайник грела, сначала хочет угостить пирожными собственного приготовления, с утра пекла. Где-то новый рецепт раздобыла.

Тина окаменела: на лице Олега Григорьевича явственно проявился лик смерти.

Заметив странный взгляд девочки, отец Лады забеспокоился: Тина явно чего-то сильно испугалась.

– Тебя обидели? Или что-то случилось?

– Нет, – Тина с трудом вытолкнула слова из пересохшего горла. Отступила за порог. – Голова сильно заболела. Передайте Ладе, я сегодня не буду заниматься. – И помчалась по ступенькам вниз.

Она кружила по осенним улицам, словно сухой лист, гонимый неприветливым холодным ветром, пока не продрогла. Решившись, поднялась в квартиру Стахий, на этот раз дверь открыла Лада.

– Прошла голова?

– Да. Угостишь пирожными?

Лада провела подругу на кухню, с гордостью водрузила на стол тарелку с кривобокими заварными пирожными. Тина пила чай, не чувствуя вкуса.

– А где родители?

– В кино отправились.

– Лад, уговори отца сходить к врачу.

Лада вытаращила глаза.

– Зачем? Он не жаловался на здоровье.

– Мне кажется, твой папа серьёзно болен. – Тина в волнении закусилла нижнюю губу. –

Вид у него не ахти.

Лада встревожено посмотрела на неё, она и раньше замечала некоторые странности за подругой, но понять, в чём они заключаются, не получалось и отчего-то боялась спрашивать. И это было совсем на неё не похоже. Словно она не желала заглядывать за невозвратную черту или оказалась к этому пока неготовой.

Что говорила Лада отцу, как уговорила пройти обследование неизвестно, но он послушался дочь. Через две недели Тина узнала: у Олега Григорьевича обнаружили рак. А вскоре он умер, спасти его так и не удалось.

Тина поняла: мать права. Изменить судьбу трудно. Она опасалась расспросов подруги, готовилась объяснить свой необычный дар, но та потрясённая смертью отца или забыла о предвидении, или просто решила ничего не узнавать. Правда, Лада иногда смотрела на неё задумчиво, словно пыталась что-то осознать, но вопросов не задавала.

Глава 3 семья Стахий

Лада помнила себя с трехлетнего возраста. Самым ярким воспоминанием оказался салют на день города. Она до сих пор помнила свой восторг от ярких огней, расцветающих в небе. Родители, наблюдая ликование дочери, решили радовать её пусть маленьким салютом, но каждый семейный праздник, уж больно счастливой выглядела малышка. Так и повелось.

Соседи неодобрительно качали головами: «Лучше бы новую одежду купили, выбрасывают деньги на ветер».

Для семьи Стахий разноцветные гирлянды огней в небе стали символом праздника и счастья. Вероника Архиповна, родив дочь, посчитала материнский долг выполненным. Воспитанием Лады занималась лишь время от времени, то безмерно заласкивая, то занимаясь только собой. Когда чувствовала угрызения совести, заваливала дочь подарками, не замечая порванных колготок и платья, из которого та выросла. В десятилетнем возрасте под влиянием семьи Лавровых Лада многому научилась, теперь она сама могла приготовить еду, погладить одежду, навести порядок в своей комнате. Лада не обижалась на мать, та могла создать праздник из ничего, сделать пасмурный день вновь солнечным. Только вот жизнь не могла состоять из одних праздников, будни же Веронику Архиповну не интересовали. Трудилась она парикмахером в крохотном салоне, зарплата её не волновала, но и этот мизерный доход тратился неразумно. Могла купить дорогую рыбу, морепродукты, потратив половину недельного бюджета, устроить для семьи пир горой, а после дней пять кормить мужа и дочь одними макаронами. Олег Григорьевич принимал жену со всеми недостатками, лишь старался по мере сил контролировать расходы супруги. Но чаще сам баловал её подарками, делал красивые жесты, которые обожала любимая Вероника. Лада видела отца редко, целыми днями он пропадал на работе, иногда прихватывая и выходные. Если выдавалось свободное время, родители посвящали его друг другу, и тогда Лада чувствовала себя лишней. А когда они, насладившись общением, вдруг вспоминали о единственной дочери, то устраивали для неё развлечение. Жизнь представлялась Ладе качелями: взлёт – ласки и восторги, падение – отстранённая мать и холодные макароны на плите. Но однажды качели резко остановились. Отец не пошёл на работу один день, второй, в квартире запахло лекарством и бедой. После обследования у него обнаружили рак поджелудочной в поздней стадии, оперировать врачи отказались: незачем добавлять лишние страдания больному.

Олег Григорьевич сгорел за два месяца, последние трое суток лекарства почти не помогали, он не выдерживал и глухо стонал от боли. Спокойный промежуток между уколами

становился всё короче. Вероника Архиповна не выносила вида мучений мужа, уходила на улицу во двор, а Лада, зажав уши руками, молила об избавлении отца от страданий. Умер он в безветренный, светлый день в начале зимы. С неба сыпался мелкий снежок, украшая голые ветви деревьев, крыши домов, укрывая притихшую землю. На кладбище Тина, поддерживая подругу под локоть, чувствовала, как та дрожит. Лада не плакала, в ушах всё ещё звучали крики отца, она ощущала лишь облегчение – отмучился. Окаменевшие лёгкие с трудом пропуская воздух, даже дышалось тяжело. Она не смогла подойти к гробу и попрощаться с отцом, чувствовала его уже здесь нет, в деревянном ящике покоится лишь измученное ледяное тело. В душе Лады царила пустота и усталость. Такая же звенящая тишиной пустота встретила её в квартире, когда она возвратилась домой после поминок. Мать отправилась ночевать к подруге, с которой работала в парикмахерской.

– Доченька, я побуду у Светы. Прости, но не могу идти домой, просто не могу. Не сегодня... Нет сил, – прошептала Вероника Архиповна, захлёбываясь слезами. – Папы больше с нами нет...

Лада только вздохнула, мать пыталась избавиться от боли, разделяя его с чужим человеком, а не с ней. Тина не хотела оставлять подругу одну, но Лада заявила, что очень устала и ляжет спать. Она и, правда, попыталась заснуть, но не смогла. Тяжесть на душе мешала дышать, не давала забыться сном. Лада встала, прошла в спальню родителей – на спинке стула висела клетчатая рубашка отца. Она прижала её к лицу, вдохнула знакомый запах, перебиваемый лекарствами, и горько заплакала. Спустя время, обессилив от слёз, Лада заснула в кресле с отцовской рубашкой в руках. Проснулась она от холода, из-за отключённых батарей квартира за ночь выстудилась. За окном выпавший снег принарядил детскую площадку, укутал мягким покрывалом машины и деревья. По сравнению с этой белизной и чистотой их квартира выглядела неопрятно и неухожено, за сутки через неё прошло много людей: коллеги с работы отца, знакомые и друзья родителей, соседи по дому. Есть не хотелось, Лада выпила кружку горячего крепкого чая, включила батареи, распахнула форточки. Сквозь слёзы улыбнулась портрету отца на стене.

– Привет, пап. Как ты там на новом месте? Тебя хорошо встретили? Тётя Маруся уверила меня, что со смертью ничего не заканчивается. Мы сбрасываем физическую оболочку, переходим на волновой уровень и продолжаем жить в другом мире. Она попросила держать себя в руках и не распускаться, иначе твоей душе будет трудно во время перехода, объяснила, что здесь, на земле, ты выполнил своё предназначение. – Лада вытерла слёзы. – Я верю ей. Не может человек исчезнуть без следа. Иначе зачем всё? Вся жизнь... Я постараюсь быть сильной.

Тина застала подругу за уборкой квартиры, сняв пальто в прихожей, молча принялась помогать ей. За три часа они навели полный порядок.

– Завтра пойдёшь в школу? Я принесла домашнее задание. – Тина протянула Ладе листок бумаги. – И ещё мама приглашает к обеду, она приготовит твои любимые вареники с грибами.

Лада почувствовала голодные спазмы в животе, вспомнила, что не ела больше суток. На поминках кусок в горло не лез. Она открыла холодильник, осмотрела пустые полки, на одной сиротливо стояла бутылка прокисшего молока.

– Спасибо твоей маме, я сейчас соберусь. В школу тоже пойду, папе не понравится, если я буду пропускать школу.

Тина не удивилась, что подруга говорит об отце, как о живом. Она тоже верила, что люди не умирают окончательно, а остаются жить в другом качестве.

Вероника Архиповна вернулась домой лишь к вечеру, застала дочь за уроками. Тяжело опустилась на стул рядом с ней.

– Как же мы будем жить без папки? А?

Лада посмотрела в осунувшееся лицо матери.

– Постараемся.

– Постараемся? А я не хочу стараться. Мне тошно. Почему он умер и бросил меня? – Вероника Архиповна стукнула кулаком по столу. – Он не имел права так поступать. – Она поднялась и, шатаясь, побрела в спальню.

Лада проводила взглядом пьяную мать, от жалости у неё кольнуло в сердце. Раньше она так не пила, да и вообще не любила спиртные напитки, уверяя, что они притупляют остроту и яркость жизненных впечатлений.

Почти неделю Вероника Архиповна провела в постели, не ела и всё время находилась в полудрёме. Деньги катастрофически таяли, Лада старалась экономить, как могла, пыталась поговорить с матерью, но та смотрела на неё мутным взором и не отвечала. Отыскав снотворное, Лада выкинула таблетки в мусор. Вероника Архиповна, не получив дозу лекарств, окончательно проснулась.

– Куда ты дела мои таблетки? – подступила она к дочери. На её худом лице читалась искренняя обида вкупе со злостью. Спутанные давно не мытые волосы, похожие на паклю, торчали во все стороны.

– Если ты решила уморить себя, то не получится. Я выбросила снотворное на помойку. Скоро у нас нечего будет есть, денег осталось только на две булки хлеба.

Лада уже пыталась найти работу, но пока её никуда не принимали. Узнав, что ей только пятнадцать, а выглядела она ещё младше, отказывали наотрез.

Мать заплакала и обняла её за плечи. Лада брезгливо отстранилась.

– Ты вся пропахла спиртным и потом.

– Прости меня. Я что-нибудь придумаю, – она отправилась в ванную комнату.

Лада налила в тарелку бульон, приготовленный из последнего кусочка курицы, подвинула матери. После душа та стала выглядеть чуть лучше. На щеках появился еле заметный румянец.

– Завтра я выйду на работу.

– Хорошо, – кивнула Лада. – Я на это сильно надеюсь.

На следующий день, вернувшись из школы, она обнаружила в квартире изменения: из шкафа исчезли все вещи отца, со стен его фотографии.

– Куда ты дела фотографии папы? – с порога поинтересовалась она у матери.

Вероника Архиповна повесила пальто на вешалку, сняла сапоги.

– Положила в альбом.

– Альбом где?

– В кладовой.

– А где его вещи? Где клетчатая рубашка, серая футболка. – Лада, выстирав футболку и рубашку, время от времени надевала их, ощущая тепло и покой.

– Вещи забрала Света, отдаст знакомым.

Лада взяла ключ и отправилась в крохотную кладовку рядом с лифтом. Принесла альбом, положила в своей комнате в тумбочку.

– Мне невыносимо видеть его фото перед глазами, – Вероника Архиповна обхватила себя за плечи руками. – Ты сама сказала – надо жить.

– Жить, а не забывать напрочь.

Но мать пыталась именно забыть, она стала поздно возвращаться с работы домой, первое время Лада, приготовив ужин, ждала мать, а потом перестала. Пропать непонимания между ними всё увеличивалась, делая их чужими. Горе не сплотило, а разобщило прежде родных людей.

Не прошло и трёх месяцев со смерти Олега Григорьевича, как соседи увидели Веронику Архиповну с одним мужчиной. Спустя неделю – с другим, через какое-то время – с третьим кавалером. Этот третий продержался дольше всех и вскоре провожал её до квартиры, подносил сумки. А ещё через месяц остался на ночь. Когда чужой человек покинул их дом, Лада угрюмо поинтересовалась:

– Как же так. Ты уже забыла папу?

Мать глянула на неё глазами, полными муки и боли.

– Стараюсь... хоть на минуту. У меня разорвётся душа, если не заполню её хоть чем-то. Я так любила твоего отца, что не могу оставаться в одиночестве. Здесь так жжёт, – она показала на сердце. – Я готова сделать что угодно, лишь бы прекратить эту пытку.

Лада больше не задавала матери вопросов, каждый по-своему справляется со своей болью и потерями, но разочарование в единственно близком человеке осталось навсегда. Ей пришлось рано повзрослеть и научиться ценить каждый миг жизни.

После окончания школы подруги поступили в один институт на отделение экономики. К тому времени мать Лады наконец остановила выбор претендентов на роль супруга и вышла замуж.

Первый курс подруги проскочили без волнений и приключений, а на втором: Лада влюбилась. Безоглядно, страстно. Чувство оказалось взаимным. Сергей Ершов учился на четвёртом курсе, впервые она заметила его в библиотеке. Они с Тиной искали материал для доклада, Ладугораздило рассказать смешной анекдот. Давясь от смеха, подруги пытались не привлекать к себе внимания. На предупреждение библиотекаря девушки замолчали минут на пять, потом, не выдержав, засмеялись так громко и заразительно, что заставили всех улыбаться. Пришлось покинуть библиотеку, Тина извинилась перед библиотекарем. Лада, зажав рот рукой, направилась к выходу. Парень, сидящий за столиком у двери, подмигнул ей и послал воздушный поцелуй. Второй раз она увидела заинтересовавшего её студента в парке, когда каталась с ледяной горки вместе с детьми. Он наблюдал за шумной компанией и не спускал с Лады глаз. Незнакомец явно намеривался подойти, но тут её окликнула Тина.

– Ладка, хватит! Я совсем замёрзла. Пошли домой. Нужно до дискотеки реферат написать, а уже пятый час...

Студент до этого монолога явно не замечал сидящую на скамейке Тину, с любопытством посмотрел в её сторону. Перевёл взгляд на Ладуг, покачал головой, а потом, как в библиотеке, послал воздушный поцелуй. Она показала язык, решив, что он осуждает её поведение. Незнакомец засмеялся, изобразил бьющееся сердце. Когда Лада вернулась к подруге, студент уже исчез.

Вечером на институтской дискотеке незнакомец пригласил Ладуг на танец, так начался их жгучий, тяжёлый роман, наполненный радостью и болью. Физически их тянуло друг к другу, между ними возникало столь сильное напряжение, что казалось: воздух искрит. Они могли долго гулять по городу, просто держась за руки, а если начинали целоваться, то до одури. Первый месяц из-за любовной горячки разговаривали только о себе. Первый тревожный звоночек разногласия прозвучал на улице. Лада кинулась помогать женщине, вкатить на пандус магазина инвалидную коляску с сидящим в ней подростком. Сергей не сделал даже попытки помочь, на её упрёк ответил:

– Эта баба сама виновата, что оставила дауна в живых. Таких, как он, нужно убивать в младенчестве, а ещё лучше в утробе.

Лада оторопела. Глаза Сергея горели злобой и ненавистью, любимое лицо выглядело отталкивающе и незнакомо.

– На самом деле ты так не думаешь, – улыбнулась она вымученно. – Плохое настроение виновато?

Сергей твёрдо и уверенно заявил:

– Это моё мнение, и оно правильное. Дауны, инвалиды, нищие, бездомные и другие уроды только потребляют и не приносят никакой пользы. Они бремя для государства. На них тратятся деньги, которые могли пойти на другие нужды. Ты не задумывалась, сколько миллиардов уходит зря? Мы могли бы на эти деньги построить новые дороги, улучшить жизнь здоровых людей. Давно пора перейти от слов к делу и начать чистку от ненужного генетического хлама. Человеческое общество стало бы без них совершеннее.

Перед глазами Лады стояло улыбочное круглое лицо мальчишки. Вот его-то как раз и причислил к генетическому хламу Сергей. В сердце кольнуло, будто кто-то ткнул в него иголкой.

– А ещё пенсионеры мешают, некоторые живут слишком долго. На них тоже много денег уходит, – произнесла она напряжённым голосом.

Сергей обрадовался поддержке, не заметив сарказма.

– Я уже думал об этом. Нужно ввести возрастной ценз, допустим предел семьдесят лет. Пока сами могут обслуживать себя и не нужно за ними ухаживать.

Лада не верила своим ушам, он, скорее всего, так неудачно шутит.

– А как быть с теми, кто заболел раньше этого предела и стал инвалидом?

– Не повезло. Им придётся уходить из жизни раньше. Нельзя быть балластом для родственников и государства. Ведь лежачие больные и люди, не способные жить самостоятельно, делают быт родных некомфортным, суживают возможности служебного и личного роста.

– И как предлагаешь, убивать их или расстреливать? – Лада всё ещё надеялась, вот сейчас Сергей обнимет. «Напугал тебя? Брось, я пошутил».

Сергей хмыкнул:

– Ух, ты настроена решительно. В наше время есть гуманный способ ухода из жизни. Мы же не звери какие. Чистку человеческого хлама нужно делать с помощью медикаментов. Легко, аккуратно и безболезненно. Знаешь, кто мой кумир из мира науки и медицины? Профессор Смородин. Он испытывал вакцину против полиомиелита на собственных детях и внучке. Вот это человецище. Жизнь ради общего блага.

Ладе захотелось выяснить до конца. Она осознала: он не шутит. Давно всё обдумал и верит в то, что говорит.

– И кто же будет принимать решение, кого отправить на тот свет, а кого оставить? Под эту лавочку можно недругов уничтожить, денежки прикарманить, квартиру себе отжать.

Сергей хлопнул в ладоши.

– А ты умница! Сразу поняла суть проблемы. Решать должна комиссия или назовём её команда уборщиков. Это должны быть честнейшие и проверенные люди. Чтобы не соблазнились деньгами, их оклады нужно сделать очень большими.

– Ты один так считаешь или у тебя есть единомышленники? – задала Лада последний вопрос; за время разговора её душа постепенно замерзала и превращалась в кусок льда. Острое разочарование и что-то похожее на апатию обессилило тело, захотелось немедленно присесть.

– Если хочешь присоединиться к нашему движению «Чистая страна», я тебя порекомендую. Как раз завтра у нас пикет у администрации города под лозунгом «Рабочие места – своим, пришлым гастарбайтерам – твёрдое нет». Придешь?

Лада не понимала, зачем уточняет. Ей просто хотелось остаться одной и подумать.

– Вам мешают гастарбайтеры? Их же в нашем городе мало. И работают они там, где никто работать не соглашается. Ты бы тоже за копейки, что им платят, не пошёл туда трудиться.

Глаза Сергея яростно вспыхнули.

– Пусть убираются к себе в республики. Нужно всех разогнать по национальным квартирам.

– А как быть с теми, кто всю жизнь прожил здесь, или родился в России, но другой нации, не русский?

– Нужно запретить межнациональные и межрасовые браки, они только портят чистоту крови. А для всех полукровок создать резервации и понизить в правах, чтобы другим неповадно было. Ты не ответила, придёшь завтра.

Лада помассировала пальцами виски. «Бред сумасшедшего фашиста. В стране у каждого человека намешано столько разной крови. Разве он этого не понимает?»

Сергей другим тоном ласково поинтересовался:

– Заболела?

– Заболела. Мне плохо от твоих слов. Ты говоришь ужасные вещи. Ты не можешь так думать. Я не хочу в это верить.

Сергей мгновенно вспыхнул.

– А мне показалось, ты меня поняла. Вопросы задавала, прониклась правильными идеями. Ты ведь не заостенелая обывательница...

Лада посмотрела на него: красивые губы – обожает их целовать, глаза от которых трудно отвести взгляд, подбородок – твёрдый, чёткий, так приятно его касаться.

– А если бы вдруг я родила тебе больного ребёнка. Ты бы его тоже гуманно уничтожил?

– Пришлось бы. Решения приняли бы чистильщики. А мы бы родили здорового ребёнка, зачем нам калека или даун?

Лада молча повернулась и побрела прочь. Ясный день терял для неё краски, становясь серым и блёклым.

Сергей догнал и схватил за плечо.

– Не смей уходить от меня так.

– Как?

– Я вывернул перед тобой душу. Поделился заветными мыслями, идеями. А ты просто ушла.

Лада вздохнула.

– Что ты хочешь услышать. Я в ужасе от твоих чудовищных идей. Я никогда не разделяю их. Если твои друзья из «Чистой страны» думают так же, то вы настоящие садисты. Я до конца не верю в бред, что ты тут нагородил. Ты сам-то понимаешь, какие страшные слова произнёс.

– Я лишь вслух сказал то, о чём шепчутся на кухне, в чём трусливо бояться себе признаться. Я честен и равнодушен к судьбе страны.

– Так, как ты, думают единицы. Если уж на то пошло – это вы психи и уроды.

– Я люблю тебя и прощаю за эти слова. Ты ничего не поняла. Но я смогу тебя убедить и объяснить. Пока ты рассуждаешь, как простая баба и недалёкая мещанка.

Сергей впервые признался в любви. Она ждала этого, но сейчас его слова прозвучали как оскорбление.

– Дай мне побыть одной, – попросила Лада, мечтая выпить таблетку от головной боли и заснуть.

– Конечно. Трудно сразу принять прогрессивные идеи, надо всё обдумать.

Он проводил её до студенческого общежития. Остаток дороги шли молча. Прощаясь, Сергей хотел поцеловать её, но Лада отвернулась. Его тёплые губы мазнули по щеке, оставляя влажный след.

– Поговорим завтра.

Но они не поговорили ни завтра, ни через неделю. Участников пикета арестовали возле администрации города за несанкционированный митинг. Сергея отпустили через четверо суток, ещё два дня Лада успешно избегала с ним встреч. В институте Сергей появился героем, пострадавшим от жестокости властей. В перерыве между лекциями он подстерёг Лад у двери аудитории, увлёл к окну в коридоре.

– Я ужасно соскучился. Малышка, бог с ними с идеями, пусть пока ты не понимаешь меня, потом поймёшь. Главное, я люблю тебя и хочу быть с тобой.

Он улыбался и с обожанием смотрел на неё. Сердце Лад бешено колотилось, руки холодели. Душа ныла, а тело рвалось к нему и требовало прикосновений и ласки.

«Я смогу его переубедить, – решила она. – Не дурак же он на самом деле. Нужно бороться за свою любовь».

Они промучились ещё четыре месяца. Спорили чуть ли не до драки. Каждый пытался доказать свою правоту, донести своё понимание мира до другого. Напрасно. Чем больше Лада и Сергей узнавали друг друга, тем больше понимали: у них нет ничего общего. Любовь не помогала, а только делала стычки и споры ещё яростнее и болезненнее. Последней каплей для Лад стала поездка в музей. Сергей спросил у смотрительницы.

– Почему у этой картины нет таблички?

Бабулька-одуванчик подслеповато сощурилась.

– Имелась, – растерянно оглядевшись по сторонам, добавила: – Тут только что школьники были, может, утянули?

Сергей взорвался.

– Так и вас утянут, а вы не заметите! Какой из вас работник, сидели бы уже дома.

– Сыночек, пенсии-то не хватает, – растерялась старушка.

– Если не хватает, переходите на хлеб и воду. Нечего зря небо коптить, толку от вас нет.

Бабулька ахнула, на глаза навернулись слёзы.

– Оставь её в покое, – Лада дёрнула Сергея за рукав. – А вы, бабушка, не обращайтесь на него внимания. Он сегодня не с той ноги встал.

– С той! – разозлился Сергей. – Сидите тут как слепая курица, у вас под носом все картины вынесут. Никчёмная старая карга. Вам давно пора на тот свет.

Лада бросилась к выходу из музея. С неё хватит. Его никогда не переделать. Пора посмотреть правде в глаза. Она полюбила садиста, с отвратительным характером и бесчеловечными идеями. Всегда кажется: монстры в людском облике существуют где-то там, далеко, увидеть их можно только в кино или прочесть о них в книгах. Так не хочется признавать, что близкий человек оказался одним из них.

– Что опять не так? – Сергей догнал её и повернул лицом к себе. – Разве я отступил от истины. Разве старуха не плохой работник?

– Больше не хочу ничего доказывать. Мы расстаёмся и на этот раз окончательно, – отрезала Лада.

Сергей влепил ей пощёчину.

– Мы расстанемся, когда я захочу.

Лада схватилась за горящую щёку.

– Будешь насильно заставлять общаться с тобой? Ты мне отвратителен.

В глазах Сергея горела злоба и толика вины.

– Ты вынудила меня ударить.

– Этого я тебе никогда не прощу.

– Сама виновата, вынудила.

Лада оттолкнула его руки.

– Ты больше не существуешь для меня.

Он закричал ей в спину.

– А знаешь что? Это ты не существуешь для меня. Никчёмная, жалкая, баба. В тебе нет ничего примечательного: ни рожи, ни кожи, ни характера. Так, одна пустота.

– На этом и поставим точку, – обернулась Лада. – Действительно, зачем такому необыкновенному парню, как ты, знаться с пустотой.

Эта размолвка стала последней, больше они не разговаривали. Через три дня она увидела Сергея с другой девушкой. Он демонстративно на её глазах поцеловал спутницу. Бывший возлюбленный не подозревал, насколько стал безразличен Ладе и его попытки вызвать ревность безрезультатны. Она не понимала, как могла не разглядеть и полюбить чудовище. Прививку от любви Сергей сделал настолько серьёзную, что Лада почти на три года и думать забыла о мужчинах. За это время случилось лишь одно кратковременное увлечение, не затронувшее чувств и быстро перешедшее в разряд дружеских.

Филипп стал первым, на кого она обратила внимание и то лишь после длительного ухаживания. Лада честно себе признавалась, внимание красивого успешного мужчины оказалось для неё очень лестным, и не устояла перед искушением стать его избранницей. После фиаско с Филиппом Лада решила: мужчин она выбирать не умеет, и впору просить совета у психологов или свах.

Глава 4 Поющие развалины

Лада серьёзно подготовилась к походу в заброшенный дом. Глянув на её экипировку, Тина засмеялась. В такую-то жару подруга нарядилась в рубашку с длинными рукавами и брюки цвета хаки из плотного материала. На пояс прикрепила моток верёвки, в руки взяла холщовую сумку с чем-то тяжёлым.

– Что у тебя там?

– Топорик и фонарь. Нашла в сарае у тётки.

– За комаром с топором, за мухой с обухом, – мигом нашла Тина подходящую для ситуации поговорку. – Зачем для осмотра соседнего дома топор и фонарь? Для чего?

Лада нахмурилась: подруга портила атмосферу приключения. Куда это годится идти на поиски необычного в летнем сарафане и босоножках?

– Нужно быть готовой ко всему. Помнишь, как помог мой нож и фонарик?

Ещё бы Тина не помнила. В восьмом классе Лада подбила её исследовать подвал старого купеческого дома. Бывший особняк купца первой гильдии Захарова в советское время служил пристанищем сразу для десяти семей. Со временем без ремонта он настолько обветшал, что казался перенесённым из времён разрухи и войн. Сначала его собирались отремонтировать, но потом решили просто снести. Лада давно мечтала попасть в этот дом, который стал для неё воплощением тайн и загадок. И вот подвернулся случай без помех исследовать необычное строение. Она наблюдала за расселением и, дождавшись отъезда последней семьи, в тот же день собралась идти в особняк. Тине не улыбалось лазить по брошенным квартирам, что там могло отыскаться, кроме куч мусора. Но горячему напору подруги сопротивляться трудно. Сначала они обследовали помещения, покинутые жильцами. Более тоскливого зрелища трудно придумать: на полах, усыпанных обрывками газет, пылью и клочками паутины, валялись ненужные больше детские игрушки, посуда с отбитыми краями, потрёпанные временем вещи, старые книги и фотографии, много фотографий. Выглядело всё так, будто люди избавлялись не только от ненужного хлама, но и от памяти. Мебель, отслужившая срок, сиротливо стояла вдоль голых стен. В одной из комнат на втором этаже Лада подняла фотоальбом. С пожелтевших снимков на неё смотрели незнакомые лица.

– Почему они не взяли с собой. Это же память, – удивилась она. – Перевернув фото молодого мужчины в военной форме, на обороте прочитала: – «Любимой Настеньке на дол-

гую память». Тридцать шестой год. Представляешь, – повернулась Лада к подруге, – снимку восемьдесят лет.

Тина в потускневшем зеркале разглядывала новую причёску. Она покрутила головой, с досадой отметила неаккуратно выхваченную парикмахером прядь.

– А-а-а, что?

– Ой, да тут почти все фото тридцатых-сороковых годов. Интересно, Настенька дождалась своего солдата?

Тина бросила взгляд на несколько детских снимков.

– Дождалась. Вот этот солдатик снят вместе с девушкой. А вот они с детьми. Малыши явно погодки. Ох, и смешные на них шаровары одеты. Я такие на детских фото у бабушки видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.